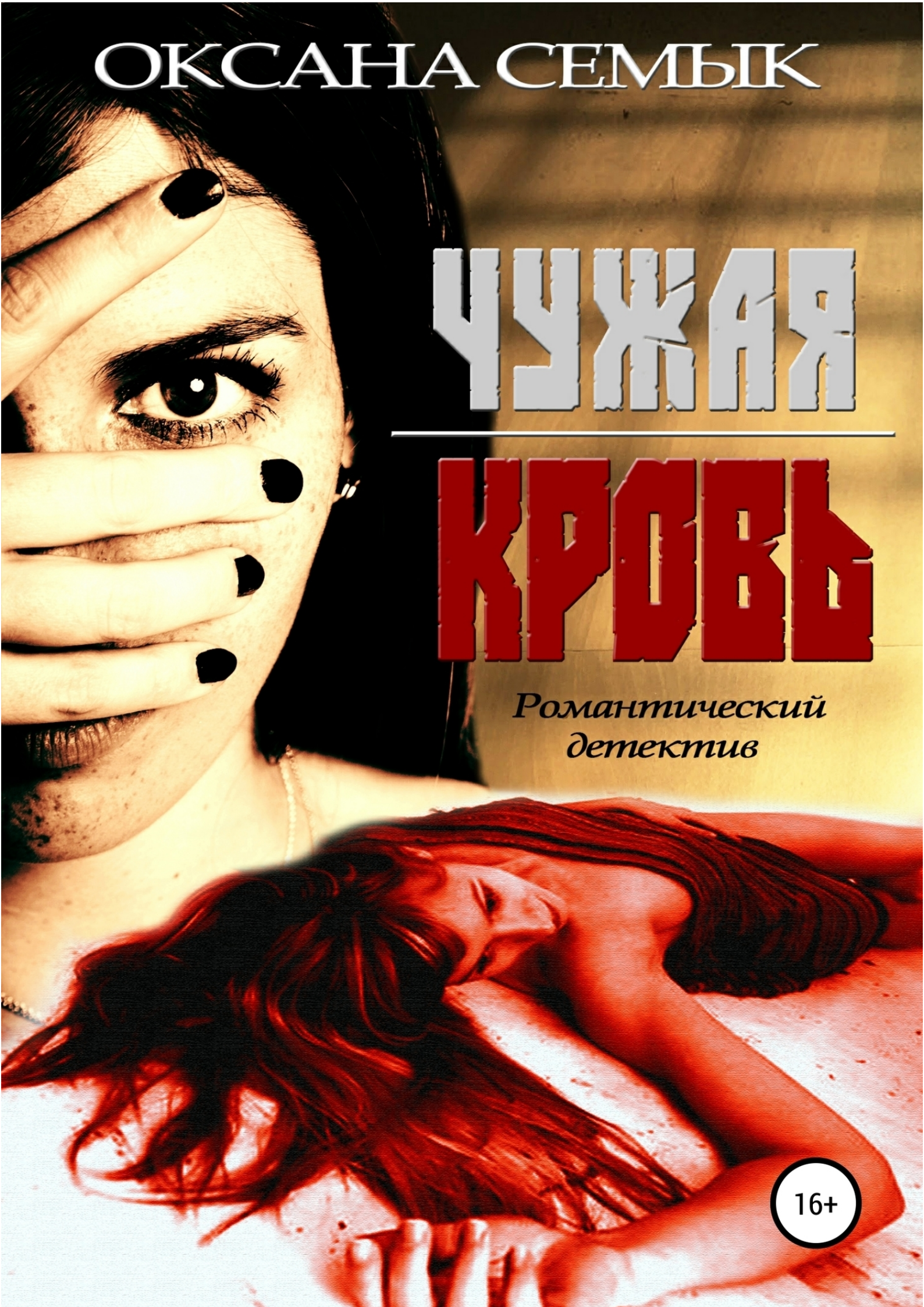

ОКСАНА СЕМЬКО

ЧУЖАЯ

КРОВЬ

*Романтический
детектив*

16+

Оксана Семык

Чужая кровь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Семык О.

Чужая кровь / О. Семык — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Детектив в духе Агаты Кристи в декорациях России начала 90-х годов XX века. Какие темные стороны открываются в душах людей в погоне за богатством? Каково это - узнать, что все твои близкие - вовсе не такие, какими ты считал их много лет, и что кто-то из них - хладнокровный убийца? Что делать, когда привычная жизнь разбита на осколки? Запутанная интрига держит в напряжении до самой последней главы. Но для автора важнее даже не она, а возможность исследовать тайники человеческих душ, показать перерождение человека как в лучшую, так и в худшую сторону под влиянием обстоятельств, ну и, конечно, еще раз поговорить о любви.

© Семык О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

*В оформлении обложки использовано фото с
<https://www.pexels.com/> по лицензии CC0.*

Пролог

Даже не знаю, с чего лучше начать. Наверное, с первого неожиданного поворота моей судьбы.

Мне тогда было восемь лет, брату шесть. В тот день Ба приехала за мной в школу и забрала с двух последних уроков. У крыльца школы нас ждала дедушкина служебная машина. Внутри уже сидел Андрюшка, мой младший брат.

– А давайте поедem в парк, покатаемcя на каруселях, – забравшись на заднее сиденье рядом с бабушкой и братом, предложила я. – Дядя Миша, поезжай в парк! – ткнула я пальцем в спину дедушкиного водителя, которого хорошо знала.

– В палк, в палк! – подхватил мою идею Андрюшка.

– Нет, Алёнушка, ни в какой парк мы сегодня не поедem, – мягко возразила Ба, и только сейчас я заметила, что из-под её очков медленно текут слёзы. – Мы поедem в больницу.

– Зачем в больницу? У меня ничего не болит. Хочу в парк! – раскапризничалась я.

Ба обняла меня за плечи.

– Мы поедem к папе и маме. Они разбились на машине. Им сейчас плохо, и мы должны быть рядом с ними. Понимаешь?

Кивнув, я притихла, пытаюсь представить себе, как это человек может разбиться. Я вспомнила, как однажды на моих глазах разбилась большая напольная ваза, когда мы с Андрюшкой, заигравшись в гостях у Ба и Деда, толкнули её. Ваза медленно покачнулась, встала на ребро основания и, не удержав равновесия, также не спеша, рухнула на пол, расколовшись на несколько больших частей. Я представила себе маму и папу, неуклюже, словно большие матрёшки, заваливающихся на бок, как та ваза, и мне вдруг стало смешно. Я хихикнула, взглянула на бабушку, но та смотрела прямо перед собой скорбно и строго, и я не решилась с ней заговорить.

В больнице Ба посадила меня на кушетку в коридоре, попросила толстую медсестру с добрым улыбчивым лицом присмотреть за мной и братом и скрылась за белой дверью. Вынув из кармана маленькое зеркальце, я начала пускать солнечные зайчики, однако это занятие увлекло меня ненадолго. Сунув зеркало обратно в карман, я встала и подошла к двери, за которой скрылась Ба, но толстая медсестра, присматривающая за братом, шикнула на меня и снова усадила на место. Порывшись в кармане халата, она извлекла упакованную в целлофановую обёртку колбаску больших таблеток и протянула мне одну:

– На, скушай «аскорбинку».

До сих пор помню её вкус. Наверное, он врезался в память из-за того, что произошло, как только таблетка раскрошилась под моими зубами. Открылась дверь, за которую я порывалась заглянуть, и наконец появилась бабушка. Она подошла какой-то деревянной походкой и не наклоняясь обняла меня, отчего я уткнулась носом в её мягкий живот.

– Сиротинушки вы мои, – выдохнула Ба.

Только гораздо позже я узнала, что произошло в тот день с моими родителями. Они возвращались из поездки к Чёрному морю. В тот раз они не взяли меня и брата с собой, а решили оставить нас с Дедом и Ба. Отец сам сидел за рулём новенькой «Волги». Обгоняя автобус, он вылетел на встречную полосу и лоб в лоб столкнулся с грузовиком.

Отец погиб сразу. Мама сидела на заднем сиденье и, хотя получила множественные переломы, была ещё жива, когда её везли в больницу в карете «скорой помощи». Она смогла продиктовать телефон Ба и попросила передать ей, чтобы та привезла с собой детей. Теперь я понимаю, что мама хотела проститься с нами. Но когда мы приехали в больницу, она уже умерла, так и не увидев меня и брата.

Тогда моя жизнь перевернулась в первый раз.

Глава 1

После похорон родителей мы с Андрюшкой переехали жить в шикарную дедову квартиру в центре Москвы. В ней было целых пять комнат, и поэтому там было здорово играть в прятки. «Мой дед – генерал!» – гордо говорил Андрюшка. И, действительно, Дед был самым настоящим генералом с целой кучей медалей и орденов, шинелью с каракулевым воротником, служебным автомобилем и личным шофёром.

Дед нас терпел, но не любил. Лишь много позже мне стало известно, что согласия на брак сына Дед не дал, и мой отец женился на моей матери против его воли. Несколько лет Дед не хотел даже видеть ее и нас с Андреем. Потом немного смягчился, и встреча родственников, наконец, состоялась.

Тот день я тоже помню хорошо. На мне было надето моё самое лучшее платье, в волосах красовались два огромных банта. Я знала, что должна встретиться со своим дедушкой, и очень хотела ему понравиться.

Переступив порог генеральской квартиры, я почувствовала, что у меня дух захватило от окружавшей красоты. Высокие потолки с лепниной, до блеска начищенный паркет, хрустальные люстры, ковры, обои с позолотой, горки с хрусталём и фарфором, пальма в кадке, кругом салфетки и салфеточки. Я никогда раньше не видела подобной роскоши. «Как, должно быть, счастливы те люди, которые могут тут жить», – подумала я.

Представ перед высоким, худым стариком с резко очерченным лицом, густыми седыми бровями и волосами, я внутренне сжалась в комочек от взгляда его пронизывающих глаз с красными прожилками.

А он, увидев мои чёрные выющиеся локоны и карие глаза, помрачнел. Я, действительно, была больше похожа на маму, чем на светловолосого, голубоглазого отца.

«Чужая кровь», – процедил сквозь зубы Дед и отвернулся от меня к светлоглоловому Андрюшке.

Итак, через пару лет после тех незабываемых смотрин, волею судеб потеряв родителей, я всё-таки поселилась в генеральской квартире.

Я бы не сказала, что детство моё было совершенно несчастным, но и счастливым я бы его тоже не назвала. Генеральское жалование, паёк, льготы, обеспечивали безбедное житьё, и мы никогда ни в чём не нуждались из еды или одежды, но в семье Деда не было тех непринуждённых, тёплых отношений, какие царили когда-то между моими родителями. Бабушку я любила, зато Деда боялась.

Ба не работала, сидела дома, ведь по хозяйству хлопотала домработница Фрося. Но Ба всегда умудрялась найти себе дело. Она то вязала нам с Андрюшкой тёплые носки, то пекла

умопомрачительные блинчики, то читала нам книжки. Ба старалась заменить нам родителей, окружив заботой и балуя нас.

Но вечером, когда служебная машина привозила Деда, всё в доме резко менялось и начинало вращаться вокруг одного-единственного человека. Ба всегда встречала мужа у дверей и больше не отходила от него ни на шаг. Я так и не смогла до конца разобраться, чего было больше в бабушке: обожания мужа или страха перед ним.

Каждый день в восемь вечера мы собирались все вместе за круглым столом, накрытым накрахмаленной скатертью. Это был обязательный ритуал. Я терпеть его не могла. Дед чаще всего ел молча, сосредоточенно глядя в тарелку. Раз молчал Дед, то не решались заговорить ни мы, ни Ба, и в столовой повисало тягостное молчание, прерываемое только стуком ложек и звоном чашек.

Если Дед был в хорошем настроении, он заговаривал с нами, расспрашивал про успехи в школе, но всё равно больше обращался к Андрею. «Учись, Андрюшка, – говорил он. – Вырастешь, станешь военным – генералом, как твой дед».

И хотя я училась лучше брата и во многом была гораздо умнее и талантливее него, тот чаще устаивался скупой дедовской похвалы. Дед гораздо теплее относился к внуку, чем к внучке. Если это можно назвать «теплее». Дед вообще был скуп на эмоции и скор на расправу. Обид не прощал.

Изредка по почте приходили длинные конверты с красивыми иностранными марками и с одним и тем же обратным адресом, написанным нерусскими буквами. Не читая и даже не распечатывая, Дед рвал и сжигал эти письма. Очевидно, они были от того, кто когда-то его обидел. Мне нравилось смотреть, как весело плавают эти конверты в большой Дедовой пепельнице. Но однажды, пожалев яркую открытку с видом какого-то города, я попыталась вытащить ее из огня, но тут же получила от Деда по рукам, а открытка почернела и рассыпалась в пепел.

Летом Ба увозила нас с братом на дачу. Дед появлялся там наездами, но, к моей радости, даже ночевать оставался редко – служба не позволяла ему отлучаться надолго. Не сковываемые стенами комнат городской квартиры, где каждый угол был заставлен мебелью и завален дорогими безделушками, мы с Андрюшкой пьянели от деревенских просторов и целыми днями шатались по окрестным лугам или загорали у речки.

Впрочем, после одного происшествия свободу нашу очень сильно ограничили. Сколько же мне тогда было лет? Кажется, двенадцать. Да, точно. А Андрюшке, соответственно, десять.

В тот день Ба была занята – варила варенье, и мы отпросились гулять одни. Было очень жарко, и, вопреки запрету бегать на речку без взрослых, мы решили искупаться. Сначала мы плескались на мелководье, но потом Андрюшка стал хвастать, что сумеет переплыть нашу речку. Он только месяц назад научился плавать и очень этим гордился. Я стала его высмеивать и обзывать врунишкой. Брат разозлился и поплыл.

Сидя на песке, я лениво наблюдала, как над водой виднеется его голова и мелькают руки. Кроме меня на берегу лежали несколько дачников, но никто из них не обратил внимания на шупленького мальчишку, бросившего вызов реке.

Собственно, она была не такая уж широкая, и любой взрослый мужчина, я думаю, легко бы ее переплыл. Может быть, даже Андрюшка смог бы её одолеть, кто знает, но в тот раз ему было не суждено достигнуть противоположного берега.

Наверное, брата скрутила судорога: где-то на середине реки голова его вдруг ушла под воду, потом появилась вновь, он отчаянно заколотил по воде руками, рот раскрылся в крике, но голоса не было слышно – его сносил в сторону ветер. Я оглянулась на отдыхающих дачников. Никто ничего не заметил.

На мгновение шальная мысль возникла в моей голове: вот утонет Андрюшка, и Дед будет ласковее со мной, станет больше меня любить, и Ба станет ещё больше уделять мне внимания. Я застыла, глядя на сражающегося с рекой брата.

Теперь я уже точно не вспомню, что творилось тогда в моей душе, помню только своё бездействие. Меня охватило странное оцепенение. Я словно раздвоилась. Одна моя половина хотела поднять тревогу, позвать на помощь. Другая половина меня словно окаменела, желая, чтобы борьба брата за жизнь скорее закончилась.

Но тут с берега кто-то разглядел тонущего мальчишку, раздались крики, поднялась суeta, и сразу несколько мужчин бросились в воду.

Через пять минут Андрюшка уже лежал на песке. Глаза его были закрыты, худенькое тело содрогалось, выталкивая из себя воду. Теперь я почувствовала огромную жалость к брату. Я опустилась рядом с ним на колени, обняла его и заплакала. Андрюшка открыл глаза и прошептал: «Алька, только не говори ничего Ба!»

Я ничего не сказала, но слишком много было свидетелей произошедшего. Разумеется, бабушке всё стало известно. Срочно вызванный из города Дед собственноручно высек Андрюшку своим ремнём. Пока продолжалась экзекуция, я стояла под дверью, слушая Андрюшкины вопли. То ли устав, то ли решив, что внук наказан достаточно, Дед отбросил ремень – я услышала, как стукнулась об пол тяжёлая пряжка – и вышел из комнаты.

Наткнувшись на меня взглядом, он сморщился, словно от зубной боли, и процедил сквозь зубы: «Раньше вас, бесово отродье, надо было начинать пороть. Пока поперёк лавки укладывались».

С тех пор Дед брался за ремень довольно часто. Доставалось не только Андрюшке, но и мне. Мне даже больше, потому что я чаще бывала виноватой в глазах Деда. Ба поначалу пыталась вставать на нашу защиту, убеждала «пожалеть сироток», но её трепет перед Дедом пересиливал любовь к нам. Одно в её жизни было непреложным правилом: «Муж всегда прав». Она поддакивала Деду всегда и во всём.

После очередной порки Ба проскальзывала в мою спальню, гладила меня по голове и пичкала вкусеньким, приговаривая:

– Ты на деда-то не обижайся, Алёнушка, он ведь добра вам желает, потому и в строгости воспитывает. Вон, меня отец мой покойный, царство ему небесное, тоже чуть не каждый день порол вожжами. Да как порол! Но я на него вовсе не в обиде. И дед ваш тоже, порой, может так меня приложить! Только я синячок тот тряпицей перевяжу да и забуду о нём. Вот и ты зла не помни. Терпи, внученька.

Я сжимала зубы, размазывала по лицу слёзы и бессильно грозилась:

– Вот уйду я от вас. Совсем уйду.

– Куда ж ты пойдёшь, такая маленькая? – смеялась Ба. – Сперва вырасти, паспорт получи, а потом уж котомку собирай.

Этот диалог повторялся так часто, что для меня получение паспорта стало казаться освобождением от тирании Деда, становившейся всё более несносной.

В тот день, когда я поставила свою закорючку в новеньком, свежевывданном паспорте с гербом на красной обложке, я сказала себе, что теперь-то никто не посмеет меня и пальцем тронуть. Не прошло и нескольких дней, как я вновь провинилась: пошла на танцы с подругой и вернулась на пятнадцать минут позже назначенного срока. Такое в доме Деда, где царила прямо-таки армейская дисциплина, не прощалось. Дед снова избил меня ремнём, и я всю ночь проплакала в подушку, осознав, что паспорт – это ещё не пропуск в самостоятельную жизнь, которая, как мне казалось тогда, обязательно будет у меня счастливой.

Глава 2

В то лето, когда я перешла в десятый класс, произошло событие, изменившее расстановку сил в нашей семье.

Был душный августовский день. Мы проводили его на даче. Андрюшка ещё с утра вскочил на велосипед и умчался с соседскими мальчишками. Я, развалившись в гамаке, подвешенном между двумя старыми яблонями, читала книжку. Дед сначала сидел, подрёмывая, на веранде, а потом, ближе к полудню, поднялся и зашёл внутрь. Ба, как всегда, хвостом побежала за ним. Дядя Миша, дедушкин шофёр, мыл у ворот служебную «Волгу», и журчание струящейся из шланга воды, смешиваясь с жужжанием мошкар, наполняло истомой, убаюкивая.

Глаза мои потихоньку начали закрываться. Руки всё слабее держали книгу, и вскоре она упала мне на живот. Я не стала её поднимать, медленно погружаясь в дремоту.

Внезапно до меня донёсся раздражённый голос Деда, похоже, за что-то отчитывавшего жену. Это было обычным делом, поэтому я, на мгновение выведенная из сонного состояния, снова закрыла глаза. Но тут я услышала, как Ба, обычно отвечавшая мужу покорным молчанием, громко что-то прокричала. Смысл слов до меня не долетел, но сам факт был поразительным: тихая, забитая Ба перечит своему мужу! Мне стало интересно, что ей придало столько храбрости. Сон словно рукой сняло.

Я вылезла из гамака и пошла в сторону дома. Из-за духоты все окна были открыты, и я поняла, что звуки спора доносятся из окна столовой. На цыпочках я подкралась к этому окну и, присев на корточки, спряталась в пышном кусте, росшем под ним, чтобы меня не заметили. Теперь мне было хорошо слышно каждое слово.

– Как ты можешь! Она же твоя дочь! Ты ей обещал! – кричала Ба.

– Она умерла для меня в тот момент, когда сделала свой выбор! – орал Дед. – Она для меня больше не существует! Ничего она от меня не получит!

– Но это не для неё. Это для её детишек, твоих внуков, между прочим! Как можно быть таким бессердечным!

– Цыц! Не смей мне указывать! Не твоего ума дело!

– Коли начала говорить, так уж скажу до конца. Что же ты, в могилу думаешь всё с собой забрать? Смерть ведь наша не за горами уже. Да только к гробу-то тележку не прицепишь! Всю жизнь как бирюк какой живёшь. Привык солдатами своими командовать, приказы раздавать, так и детьми своими всю жизнь командовать пытался. Да только не вышло у тебя всё равно ничего. И сын, и дочь поступили по-своему. Теперь вот думаешь внуков к ноге поставить?

– Заткнись, старая! – взревел Дед.

Я услышала звук удара, потом словно уронили на пол тяжёлый мешок. И сразу наступила тишина. Движимая любопытством, я медленно выпрямилась, через окно заглянула в столовую

и замерла, поражённая. На полу навзничь лежала Ба. Из раны на ее голове текла кровь. Дед стоял на коленях рядом с телом.

Я неловко задела цветочный горшок, стоявший на подоконнике. Дед поднял голову, и наши глаза встретились. Он побелел и забормотал:

– Я её не убивал. Она просто упала.

Я впервые увидела его таким слабым, с дрожащими руками и испуганным лицом.

Внезапно я поняла, что это шанс.

– Я слышала, как вы ругались, – заявила я. – А потом ты её ударил.

– Она сама. Она стукнулась головой об этот угол, – Дед трясущимся пальцем указал на тяжёлый дубовый стол.

– Тебе никто не поверит. Я всем расскажу, как ты её ударил.

– Ах ты, маленькая змея! – Дед, вскочив, через всю комнату бросился ко мне, но я живо отскочила от окна.

– Ты больше никогда не будешь меня бить. Ты слышишь? Я никому не скажу, что ты её ударил, а ты никогда больше не будешь меня бить! – уже почти кричала я.

– Хорошо, – забормотал Дед, напуганный моей истерикой, наверное, чувствуя, что я не шучу. – Всё будет так, как ты хочешь.

Я поняла, что победила.

Вот с этого-то момента моя жизнь перевернулась во второй раз.

Уж не знаю, как Дед всё устроил, но для всех остальных, кроме него и меня, обстоятельства смерти Ба были совершенно мирными: внезапно отказало сердце, она упала и ударилась, уже мёртвая, об стол. И только два человека знали правду.

Я завоёвывала свои позиции в доме постепенно, по всем правилам стратегического искусства. Если сначала я выторговала себе только свободу от телесных наказаний, то очень скоро этого мне показалось мало. День за днём я получала всё больше привилегий. Дед уступал мне всё чаще.

После смерти Ба он сильно сдал. Вышел в отставку, стал часто выпивать, перестал следить за собой: шатался по своей пятикомнатной квартире небритый, в спортивных штанах с пузырями на коленях. Это был уже совершенно другой человек. Всё-таки, как мне сейчас кажется, он был по-своему сильно привязан к жене, хотя и поколачивал её и, в конце концов, стал причиной её смерти.

Я наслаждалась свободой. Оговорив ежемесячную сумму, выделяемую Дедом из генеральской пенсии на мои прихоти и на наше с Андрюшкой содержание, в деньгах я не нуждалась.

Окончив среднюю школу, я поступила в химико-технологический университет, но на третьем курсе его бросила. Учиться мне было лень. Деньги я и так исправно получала от Деда. Со скуки устроилась на работу: приёмщицей в небольшую химчистку рядом с домом, в полуподвальчике. За день мимо меня проходило столько разных людей. Ради развлечения я пыталась каждому придумать какую-то историю: так незаметно пролетали рабочие часы.

После работы я с подругами отправлялась в ресторан или на танцы. Я думала, что именно там одно из мимолётных знакомств закончится моим замужеством, но, как ни странно, встретила будущего мужа на собственной работе.

Карен принёс сдавать в чистку дорогое пальто и, как говорится, «положил на меня глаз». Он был старше меня на пятнадцать лет и мне, двадцатилетней, сперва показался глубоким стариком. Внешность его мне тоже сначала не понравилась: он был хотя и выше среднего роста, но довольно астенического телосложения, хотя, конечно, хороши были густые темные волосы и карие умные глаза.

Честно говоря, ту первую нашу встречу я толком и не запомнила. Обратила я на Карена внимание уже позже и лишь потому, что после первого своего визита он стал захаживать в наш полуподвальчик чуть не каждый день.

И когда я уже стала подозревать, что у него в доме скоро не останется ни одной вещи, за исключением мебели и сантехники, которая бы не побывала в нашей химчистке, Карен наконец решился прийти с букетом цветов вместо очередного ковра или пиджака, и объяснился мне в любви прямо перед обалдевшей очередью.

Но я рассмеялась ему в лицо и всучила букет обратно. «Следующий!» – равнодушно произнесла я, и следующий в очереди, мужчина лет сорока, сострил: «Девушка, а ничего, что я без букета?» Стоявшие за ним несколько теток и один старик бесцеремонно рассмеялись.

Другой после такого позора больше не появился бы, а Карена отказ лишь раззадорил. Уже потом я узнаю, что он привык добиваться всего, чего хочет. И он добился-таки меня.

Ухаживал Карен за мной почти год. Делал он это красиво: рестораны, театры, цветы, дорогие подарки. На меня это не оказывало никакого впечатления, потому что я и сама могла себе ни в чем не отказывать: Дед исправно откупался от меня деньгами.

Карен делал мне предложение трижды, и все три раза он получал от ворот поворот: я ждала, что в моей жизни появится кто-то, в кого я смогу влюбиться без памяти. Но все знакомые мужского пола вызывали мой интерес лишь на краткое время, и после непродолжительного, хотя порой и бурного, романа, я понимала: это «не моё».

А Карен всегда был рядом. У него хорошо получалось не быть навязчивым. Он просто в нужный момент оказывался под рукой, готовый выслушать, помочь, утешить. И, получив от него четвертое предложение руки и сердца, я сдалась.

Говорят, в каждой паре один любит, а другой лишь позволяет себя любить. Не знаю, насколько это верно, но нашем браке все обстояло именно так. Карен меня обожал, а я лишь купалась в его обожании, не загораясь в ответ. Мне было с ним удобно, уютно, легко, но я не любила своего мужа.

Нет, я не изменяла Карену, хотя пару раз у меня была такая возможность. Я его слишком уважала, чтобы унижить своим адюльтером. Я исправно исполняла супружеский долг, даже находя в этом удовольствие, но при этом не теряла себя от страсти, а в глубине души иногда ощущала некое тоскливое чувство, словно что-то большое и чудесное прошло мимо и больше никогда не вернется.

Я и после замужества собиралась по-прежнему жить в генеральской квартире, а Карен настаивал на том, чтобы мы снимали отдельное жильё. Сошлись на компромиссе: решено было жить за городом, на генеральской даче. Всё равно после свадьбы работу я бросила, а Карен мог ездить в город на собственном автомобиле. Детей у нас не было – я решила не спешить и пожить немного в своё удовольствие.

Андрюшка вырос разгильдяем и шалопаем. Еле доучившийся до восьмого класса, он был с облегчением выпровожден из школы, где числился в записных хулиганах и кое-как успевал с «двойки» на «тройку». Разумеется, с такими документами в военное училище, куда очень хотел запихнуть его Дед, дорога брату была закрыта, впрочем, он туда и не рвался. Его документы со скрипом взяли в ПТУ, где Андрюшка тут же организовал рок-группу и начал играть какой-то разухабистый панк-рок. Закончил ли он училище, или его оттуда выкинули, для меня так и осталось загадкой.

Брат начал курить. Я часто видела его пьяным, каждый раз с новой подружкой. Мои строгие внушения он пропускал мимо ушей. Когда мы встречались, он неизменно клянчил у меня деньги. Но вот удивительно: чем больше я ему их давала, тем чаще Андрюшка жаловался на безденежье. Где он работал, и работал ли вообще, тоже было мне неизвестно. Жил он по-прежнему с Дедом, поэтому я всегда была в курсе того, что происходило в генеральской квартире.

Каждый день личный шофёр отвозил Деда в парк. Это был уже не дядя Миша, умерший пару лет назад, а молодой парень Сергей. В парке Дед несколько часов сидел на скамейке и кормил голубей хлебом, потом он возвращался домой и садился к телевизору, смотря все передачи подряд и вслух комментируя их.

Он стал ужасным скрягой. Выделяя Фросе, которая так и продолжала работать на него, совсем крошечную сумму на покупку продуктов, Дед долго и нудно ругался потом с домработницей, утверждая, что она его потихоньку обворовывает. Он совершенно не желал тратить деньги на ремонт квартиры, чтобы поддерживать её в приличном состоянии, и мне больно было видеть, как быстро ветшают эти когда-то так поразившие моё воображение комнаты. Я часто представляла себя хозяйкой Дедовой квартиры и мысленно прикидывала, какие обои я бы наклеила и как расставила бы мебель.

Глава 3

Время шло. Дед дряхлел. Мне исполнилось двадцать семь лет. Я просто бесилась оттого, что мыкаюсь на даче за городом, а Дед шикует в пятикомнатных хоромах в центре. Я попыталась надавить на старика, он, казалось, поддался и согласился на размен, но только на условиях, устраивающих обе стороны – и меня, и его.

Я целый год изучала объявления об обмене жилья и общалась с маклерами. Но на каждый предложенный ему вариант Дед морщился и обязательно находил какую-нибудь отговорку: то район его не устраивает, то метраж, то соседи. Наконец до меня дошло, что старый хрыч просто издевается надо мной и собирается таким образом водить меня за нос ещё долго. Я решила поставить вопрос ребром и поехала к Деду.

Дверь открыла Фрося. Увидев меня, она всплеснула руками, и её доброе круглое лицо расплылось в улыбку:

– Алёнушка! Радость-то какая! Давненько деда не навещала. А его, как назло, дома нет. Генерала-то нашего в парк повезли. Впрочем, скоро уж он должен вернуться: врач ему долгие прогулки теперь запретил.

– А что случилось?

– Да недели три назад «скорую» я ему вызывала посреди ночи. Чуть не помер он тогда. Хорошо врачи вовремя приехали. Что-то с сердцем, что ли.

– И как он себя сейчас чувствует?

– Уже лучше. Нанял сиделку. Она везде за ним ходит, по часам уколы делает. А уколы-то нужны и днем, и ночью, так он её прямо здесь, в квартире своей и поселил.

– Вот как? – насторожилась я.

– Такая настырная девица. Всюду нос свой суёт. Ой, не нравится мне всё это... А, впрочем, не моё это дело. Пойду-ка я лучше на кухню, обед разогрею.

– Деда привезут, скажи: я жду в его кабинете, – наказала я Фросе.

Кабинет, декорированный, как и вся квартира, в стиле сталинского ампира, был обшит дубовыми панелями. У стены прямо напротив входа высился доходящий до потолка книжный шкаф, забитый томами с мрачными корешками и золотыми обрезами. Необъятных размеров письменный стол, стоящий перед шкафом, притягивал взгляд. Справа от входа было окно с тяжёлыми гардинами плотного шёлка тёмно-зелёного цвета, а слева у стены располагался кожаный диван с высокой спинкой, отделанной деревом.

Я переступила порог кабинета, посмотрела на портрет застенчиво улыбающейся Ба, висящий над диваном, и на меня нахлынули воспоминания. Ещё ребёнком, когда Деда не было дома, я иногда усаживалась за этот огромный стол и, представляя себя генералом, принимала важный вид. Ба, глядя на меня, смеялась, а я спрашивала её:

– Бабушка, а разве генералы командуют армией из-за стола? Они ведь должны впереди всей армии ехать на белом коне или на танке.

Я и сейчас невольно улыбнулась, вспомнив свой наивный детский вопрос. Как давно это было! Помню, на этом столе всегда лежала стопка чистой бумаги, и я с удовольствием рисовала на белых листах Дедовым остро очиненным карандашом.

Раньше в кабинете усилиями бабушки и Фроси всегда царил строгий порядок, но сейчас по всей поверхности письменного стола были разбросаны газеты вперемешку с различными мелкими предметами, а на полу около корзины для бумаг валялся смятый исписанный листок. Машинально я подняла его и уже хотела бросить в корзину, но, раззадоренная любопытством, развернула и прочла.

Это был черновик завещания, согласно которому Дед оставлял свою пятикомнатную квартиру, дачу, все свои вклады в сберегательной кассе и прочее движимое и недвижимое имущество, включая богатую коллекцию трофейного антиквариата, вывезенного им когда-то из Европы... кому? Имя вписано не было. Я ещё раз перечла написанное. Наследник не был указан. Значит, Дед решил состряпать завещание. А я-то думала, что он так и помрёт без подобной бумажки, и мы с Андрюшкой всё разделим между собой.

Но кому же Дед всё оставляет? Я порылась на столе, нашла ещё пару черновиков завещания, но нигде не было проставлено имя того, кому, в конце концов, достанется всё генеральское добро.

В прихожей несколько раз тренькнул звонок. Я вздрогнула и машинально сунула бумагу, которую только что изучала, в сумочку.

Вернулся с прогулки Дед. Он появился на пороге кабинета, поддерживаемый смазливой девицей лет двадцати, с первого же взгляда мне не понравившейся. Рядом с роскошными формами сиделки тщедушное, высохшее тело старика казалось ещё более немощным. Я встала из-за стола.

– Здравствуй, Дед. Нам надо поговорить.

При этих словах старик как-то хитро прищурился.

– Поговорить? – переспросил он. – Хорошо, Елена, давай поговорим.

Он уселся на диван, почти затерявшись в его кожаных глубинах из-за своей худобы. Медсестра сбоку облокотилась о спинку дивана, явно намереваясь присутствовать при нашем разговоре. Меня это просто взбесило.

– Дед, надо побеседовать без посторонних.

– Какая же мне Лида посторонняя? Она теперь обо мне заботится. Круглосуточно рядом со мной, – с непонятной интонацией ответил Дед.

Мне всё меньше нравилась эта Лида.

– Дёд, я серьёзно, – угрожающе произнесла я. – Мы будем обсуждать дела семейные. Надеюсь, ты Лиду ещё не удочерил? – не удержавшись, съязвила я, одновременно пуская глазами искры в сторону настырной сиделки.

– Фёдор Семёнович, я подожду за дверью, чтобы вам не мешать, – очевидно, поймав мой посыл, проворковала девица, наклонившись к Деду, зыркнула на меня и бесшумно, как тень, скрылась из кабинета.

Я подошла к дивану, на котором скрючился Дед, опустилась рядом с ним, и, постаравшись состроить самое ласковое выражение лица, взяла Деда за руку:

– Ты прости, что я давно не заезжала к тебе, но в последнее время у меня было так много дел. Я думала, Андрюшка уделяет тебе достаточно внимания, ведь он живёт с тобой.

– Андрюшка, – заворчал Дед. – Где он, тот Андрюшка? Неделями где-то пропадает. Деньги у меня начал таскать, я подозреваю. Разве что за руку его пока не поймал. Неужто мало я ему даю? И не стыдно ему старика обворовывать? Уж как я его любил, растил, сироту, столько сил на него и средств извёл...

– Это точно, – поддакнула я, между тем вспоминая перекошенное лицо брата, орущего под свистящим генеральским ремнём. – Так я о чём хотела поговорить... Передумала я с разменом этой квартиры. К чему тебя на старости лет дёргать с переездами? Живи спокойно на заслуженном отдыхе.

Дед удивлённо уставился на меня слезящимися глазами. Спорю на что угодно: такого он от меня не ожидал.

– Да, и ещё, – не давая ему опомниться, продолжала я, – у тебя же скоро юбилей. Семьдесят пять лет! Надо обязательно отметить как следует. Ресторан хороший заказать, народа побольше пригласить. Ты уже думал об этом?

– Не хочу я никакого ресторана и видеть никого не хочу. К чертям собачьим её, эту шумиху парадную. Стар я уже для этого.

– Тем лучше, давай отметим тихо, по-семейному. Накроем хороший стол на даче. Ты же сто лет за город не выезжал. Никого чужих. Только родственники. Организацию и подготовку беру на себя. Как тебе моя идея? Ну что ты, как бирюк, сидишь тут в четырёх стенах?

Дед задумчиво пожевал губами, не спеша соглашаться, и, наконец, кивнул:

– Юбилей так юбилей. Три четверти века – всё-таки не шутка. Ты права, Елена, надо отметить.

– Вот и славно, – поднялась я со стула. – День рождения твой через месяц – у меня ещё будет время всё подготовить. Расходы беру на себя.

Мне показалось, что от моей последней фразы, лицо Деда просветлело. Старый жмот!

Я сделала пару шагов к двери, а потом повернулась и бодро– весёлым голосом произнесла:

– Да, кстати, я тут пока тебя ждала, случайно увидела на твоём столе черновик завешания. Ты что же это, помирать собрался? Что за мрачное настроение накануне славного юбилея?

– Мне тут намеренно звонок уже был с того света, еле откачали. Вот, решил дела свои привести в порядок. Кто знает, сколько ещё протяну.

– Не говори так. Ты у нас крепкий дуб, армейской закалки. Мы тебе ещё столетний юбилей справим.

Выдержав паузу, я осторожно спросила:

– Ну и кого в наследники свои запишешь, если не секрет?

Дед снова прищурился. Взгляд его, мгновенно ставший пытливым, почти скрылся за черепашьими веками:

– Да вот, Елена, решил: тебя. Отпишу, думаю, всё внучке, Андрюшке ничего не оставлю потому как шалопай он. Шалопай и дурак. На днях нотариус должен прийти. Решил я не тянуть с таким важным документом. Всё оформлю как положено, и спокойнее себя буду чувствовать.

Стараясь сдержать поднявшуюся внутри радостную волну, я произнесла как можно равнодушнее:

– Ладно, Дед, всё равно это твоя воля. Как решишь, так и будет. Ты, главное, не болей. Я на днях опять забегу.

На толстом ковре, устилающем пол, почти не было слышно моих шагов, поэтому, когда я распахнула дверь кабинета, с той стороны от неё едва успела отскочить медсестра Лида. Подслушивала, гадюка. Да, непростая девочка. Надо обратить на неё внимание.

Глава 4

Телеграмму принесли за неделю до юбилея. Дверь почтальону открыла я. Теперь я часто бывала у Деда.

– Виноградов Андрей Викторович здесь проживает? – устало спросила пожилая женщина в берете. – Телеграмма ему.

– А его сейчас нет. – Андрюшка по-прежнему очень редко показывался дома, где-то шлялся до глубокой ночи. – Я его сестра. Могу за него расписаться?

– Ну не нести же мне телеграмму обратно. Срочная всё-таки, да еще и международная. Расписывайтесь вот здесь, – женщина ткнула пальцем в бланк. – И укажите время доставки.

Сунув мне в руки листок, почтальонша тяжелой походкой вышла за дверь.

«Прилетаю восемнадцатого надеюсь успеть юбилей Мария» – растерянно прочитала я. Кто эта Мария? Откуда она прилетает, и почему это она собирается на юбилей Деда? Я прочла обратный адрес: «Париж, Франция». Чушь какая-то.

В тот день я напросилась остаться у Деда на ночь. В последнее время наши взаимоотношения улучшились, и Дед не стал возражать. Я решила дожидаться Андрюшку и выяснить, кто такая эта загадочная Мария.

Фрося постелила мне в моей старой комнате, где я когда-то прожила столько лет – комнату для гостей уже прочно занимала сиделка Лида, как оказалось, действительно денно и ночью дежурившая при старом генерале.

Знакомая обстановка вызвала призраки прошлого. Если сперва я боялась, что меня сморит сон, и я пропущу Андрюшкино появление, то вскоре поняла, что всё равно не смогла бы уснуть среди вещей, рождавших тысячу воспоминаний. Вот старый шкаф, в котором я скрывалась от Андрюшки, когда мы играли в прятки, вот на полке мои любимые книжки, зачитанные до дыр, вот здесь, за изголовьем кровати, я когда-то нацарапала карандашом своё имя на обоях – оно и сейчас ещё там. Эта квартира помнила меня. Я была ее частью.

Только где-то часа в три ночи в замке входной двери заскребся ключ. Андрюшка вошёл, не сильно заботясь о соблюдении тишины, скинул ботинки, которые громко стукнулись об пол, и чертыхнулся, обо что-то ударившись. По голосу я поняла, что он нетрезв. Накинув халат, я вышла из комнаты ему навстречу.

– Алька? – удивился брат. – Ты почему здесь? С мужем, что ли, разошлась?

– Типун тебе на язык. Поговорить надо, а тебя только ночью поймать и можно. Совсем загулял.

– Вот только мораль читать не надо, ладно?

– И не собираюсь.

Я сунула к Андрюшкиному носу зажатую в кулаке телеграмму:

– Кто такая Мария?

– О чём речь, не понял? – пьяно икнул братец.

– Она прислала телеграмму. Прилетает восемнадцатого. Будет на юбилее. Кто она такая?

– А-а-а! Эта! – наконец сообразил Андрюшка. – Это Тётя Маша.

– Какая ещё тётя Маша?

– Мария Данваль. Сестра нашего отца. Наша с тобой тётка. Живёт в Париже. Когда-то давно выскочила замуж за француза и умотала за бугор.

Я вспомнила конверты, которые сжигал Дед.

– Ты состоишь с ней в переписке? Как давно она тебе пишет?

Андрюшка ошетинился:

– «Состоишь в переписке» – подумать только, как официально! А что такого? Она писала Деду, а тот жёг её письма. Года три назад, я стырил и спрятал одно письмо. Там на конверте был обратный адрес, я и ответил. Ну, мы писали друг другу... – он снова икнул, – нечасто. Может, раз в несколько месяцев. Так, свежие семейные новости. Иногда она звонила, когда Деда не было дома. Вот и недавно тоже. Я и рассказал ей про твою идею с юбилеем на даче и про то, как Дед чуть не сыграл в ящик от приступа. Они давно друг с другом в ссоре. Эта Мария и решила, наверное, помириться с отцом, пока тот не откинул коньки. А юбилей для этого – хороший повод.

Я слишком хорошо знала своего братца, чтобы поверить в его бескорыстную переписку с парижской тёткой. Для Андрюшки написать даже две строчки всегда было непосильным трудом.

– Она что, высылала тебе деньги?

– Нет, – помявшись, ответил он.

Я тряхнула Андрюшку за плечи:

– Только не ври мне. Я всё равно узнаю, слышишь?

Брат потупился:

– Ну, высылала. Немного. По сто-двести франков. На двоих было бы слишком мало. Вот я тебе и не говорил...

Брезгливо отпихнув Андрюшку, который сразу же трусливо улизнул от меня в ванную, я задумалась.

То, что мой братец сволочь отменная, я и раньше знала, так что факт утаивания денег, посылаемых нам тёткой на двоих, меня вовсе не удивил. Удивило меня другое. Зачем эта французская дочь через столько лет всё-таки решила приехать? Неужели, и вправду, хочет помириться с отцом? Интересный расклад.

Я вспомнила тот августовский день, когда умерла Ба. Перед смертью она кричала мужу: «Как ты можешь! Она же твоя дочь! Ты ей обещал!», а он отвечал ей: «Ничего она от меня не получит!» Так вот о ком они спорили. О дочери Маше. Данваль, судя по всему, она по мужу. Значит, ещё тогда на что-то из отцовского добра претендовала. А теперь вот узнала про инфаркт, почуяла, что в воздухе запахло наследством, и решила примчаться из славного города Парижа.

Что ж, пусть приезжает. Всё равно ей ничего не достанется. Нотариус уже побывал здесь, и Дед ещё раз подтвердил мне, что решил всё имущество отписать мне одной. Мадам Данваль ждёт крупное разочарование. Только зря потратится на билеты.

Успокоившись, я вернулась в постель. Вдохнув знакомый запах старой комнаты, я закрыла глаза. Засыпая, я умиротворённо подумала: «Эта квартира всё равно будет моей».

Всё меньше времени оставалось до дня рождения Деда. Решено было, что праздновать будем три дня, и соберётся только самый ближний круг родственников: мы с мужем, Андрюшка и сам именинник. Дед настоял, чтобы на его юбилей не было никого посторонних. Я отнеслась к этому, как к старческому чудачеству, а впрочем, с облегчением вздохнула, узнав, что гостей будет мало, а соответственно, и хлопот тоже.

И всё же ударить лицом в грязь не хотелось. Ведь ожидалась гостья из Парижа – мадам Данваль. Тётя Маша. Она должна была стать сюрпризом. Я решила сохранить её приезд в тайне от Деда до самого последнего момента, не зная, как он на него отреагирует.

Понятия не имея, как отмечают юбилеи во Франции, я из кожи вон лезла, чтобы подготовить торжество на даче по высшему разряду. Меню праздничного обеда уже было составлено. Оставалось только закупить продукты и напитки. Готовить будет Фрося, привезённая из города заранее. А я займусь украшением цветами «банкетного зала» – большой столовой на первом этаже нашей дачи.

Всё должно быть готово до трёх часов, когда прибудет Дед. Андрюшка встретит в аэропорту нашу французскую тётку и привезёт её на дачу к тому же времени.

В первый день, когда гости еще только будут собираться, вечером состоится общий ужин. Но это, разумеется, еще не апогей праздника. Так, разминка. Карен возьмёт на себя роль тамады. Андрюшке доверять такое нельзя – как всегда, ухитрится напиться вдрызг в первые же полчаса.

На следующий день – торжественный обед. Вот там уж придется расстараться, чтобы все прошло без сучка и без задоринки. Ну а дальше – как пойдет... Кто на сколько захочет задержаться... Надеюсь, у заморской гостьи хватит такта не утомлять нас своим обществом больше трех дней. Андрюшка точно смоется в город, Карен, конечно же, скажет, что не может надолго

оставлять свою фирму без присмотра. Дед... Черт его знает, как там с Дедом все повернется. Еще тот фрукт. Совершенно стал непредсказуемый.

Что ещё? Всё ли я учла? Я очень нервничала, боясь что-нибудь забыть или перепутать. Даже толстокожий Андрюшка, всегда занятый исключительно собственной персоной, заметил мою нервозность и со свойственным ему грубым юмором сказал:

– Расслабься, Алька, всё будет о'кей. Сделаем Деду такой юбилей, что он от счастья коньки отбросит.

Я побледнела, дала ему подзатыльник и ответила:

– Заткнись, а то накаркаешь ещё.

За день до юбилея я затеяла генеральную уборку вместе с прибывшей мне на подмогу Фросей. Мы выметали пыль из каждого уголка, натирали полы, чистили ковры. Я даже настояла на том, чтобы убраться на чердаке, куда давно уже не заглядывала. Вспомнив, что в сарае есть старая щетка на длинной ручке, которая пригодилась бы для того, чтобы сметать паутину с потолка, я пошла за ней. Щетка стояла в дальнем от входа углу. Едва я протянула к ней руку, как взвизгнула и закричала в ужасе:

– Ай! Крыса! Здесь крыса!

Я пулей выскочила из сарая. На мои крики уже бежала Фрося.

– Что случилось?

– Крыса! Я видела крысу. Вон там, – указывая пальцем в угол, тряслась я от отвращения.

Вооружившись стоявшими здесь же вилами, Фрося мужественно полезла в тот самый угол, о котором шла речь. Пошебуршав там, она повернулась ко мне и сказала:

– Убежала, наверное. А это точно была крыса? Может, показалось?

Я до сих пор ещё не могла прийти в себя:

– Но я её видела! Фрося, какая она была жирная и отвратительная! Как я ненавижу крыс! Надо сегодня же потравить этих тварей.

– Чем же их травить? Не дихлофосом ведь? Тут, небось, какой специальный крысотор нужен?

– Думаю, подойдёт любой сильный яд. Помоги – ка мне достать кое-что из кладовки.

Я извлекла с чердака, где хранились старые вещи, несколько запylённых коробок с колбами и реактивами – всё, что осталось от моего бывшего увлечения химией во время обучения в университете.

– Может быть, здесь я найду что-нибудь подходящее.

Фрося с интересом наблюдала, как я перебираю пузырьки, читая наклеенные на них ярлычки.

– Вот это наверняка сработает, – вытащила я из коробки склянку с надписью от руки «KCN». – Цианистый калий. Сильный яд. Фрося, я оставляю пузырёк на кухне, на полочке с чистящими средствами, около раковины. Завтра после банкета останется много объедков, начиним их отравой и раскидаем в сарае. А пока, на всякий случай, надо сделать вот что, – я взяла красный фломастер и крупными жирными буквами написала на этикетке: «Яд». – Надеюсь, теперь мы не перепутаем цианид с сахаром – уж очень они похожи.

Глава 5

И вот наступил день сбора гостей. Я проснулась с каким-то странным щемящим чувством, словно раздваиваясь на две половины, одна из которых восклицала: «Всё пройдёт прекрасно!», а вторая качала головой: «Добром это не кончится».

Мне вдруг захотелось, как в детстве, залезть с головой под одеяло, но пора было вставать: старый дом уже ожил, наполнился звуками. На кухне гремела посуда: Фрося готовила завтрак. В соседней комнате работал телевизор – Карен смотрел утренние новости. Я сделала глубокий вдох и вынырнула из кровати навстречу своим нехорошим предчувствиям.

И действительно, с самого утра всё пошло наперекосяк, ломая мои планы. Муж, необычно озабоченный и хмурый, закрылся в комнате с компьютером и кучей бумаг, категорически потребовав его не беспокоить, пока не появятся гости. И это именно тогда, когда я собиралась попросить его помочь нам с Фросей передвинуть от стены в центр столовой тяжеленный дубовый стол. Пришлось надрываться самим.

Потом бестолковая Фрося умудрилась серьёзно порезать руку, пока чистила овощи. Это значительно замедлило процесс подготовки праздничного обеда, и я начала нервничать, боясь, что ничего не будет готово к назначенному сроку. Пришлось самой тоже повязать фартук и крутиться на кухне. Я еле успела привести себя в порядок и переодеться, как у ворот просигналила машина.

Я вздрогнула. Это Дед. Крикнув Карену, чтобы он выходил в столовую, я пошла к воротам встречать старика.

Шофер открыл дверцу автомобиля, и первой показалась сиделка Лида. Вместо привычного белого халата сегодня на ней было сильно декольтированное платье, с трудом сдерживающее пышные формы медсестры.

Я тихо выругалась сквозь зубы. Ещё одно нарушение моих планов. Вот уж кого точно не хотелось бы видеть среди гостей. Её, кажется, никто не приглашал. Впрочем, судя по безмятежному выражению лица, Лиду это ничуть не смущало. Едва ступив на землю, она повернулась ко мне спиной, наклонилась так, что, казалось, несчастное платье сейчас лопнет, натянутое её фигурой, и протянула руки в салон машины. Опираясь на них, медленно и тяжело вылез Дед. Как ни странно, сегодня он выглядел лучше обычного. Кажется, инъекции из этих пухлых ручек явно пошли ему на пользу.

Демонстративно игнорируя сиделку, я расцеловала Деда и вручила ему огромный букет гладиолусов.

– С днём рождения тебя!

– Спасибо, Елена, – проскрипел Дед.

«Даже сейчас назвал меня Елена, как в паспорте. А ведь Ба всегда называла меня Алёнкой или Алёнушкой. Ну что за чёрствый сухарь», – мелькнула в голове короткая мысль.

– Я сегодня с Лидочкой. Теперь я без неё никуда, поэтому прошу любить и жаловать, – Дед слабой рукой подтолкнул меня к своей сиделке.

А! Я, значит, «Елена», а она, зато, «Лидочка» – не ускользнуло от моего внимания. Выжав из себя вежливо-холодную улыбку, я церемонно поздоровалась и тут же опять повернулась к Деду.

– Пойдём в дом. Сегодня на улице прохладно. Тебе надо беречь здоровье.

– Елена, покажи водителю, куда поставить машину.

– Вот как, у тебя опять новый шофёр? – удивилась я.

Мне навстречу шагнул подтянутый, сдержанный мужчина средних лет.

– Антон, – коротко представился он.

– Елена Викторовна, – я равнодушно скользнула по новичку глазами. – Видите там, слева, кирпичное строение? Это гараж. Он не заперт. Поставьте машину туда.

Прежде чем послушаться, Антон окинул меня внимательным взглядом, словно рентгеном просветил. Мне даже на мгновение стало не по себе. Не слишком ли он бесцеремонен для простого водителя?

Когда мы втроём – я, Дед и Лида – вошли в столовую, там уже сидел в одном из кресел у стены мой муж, а в уголке робко жалась Фрося, ожидая сигнала что-нибудь принести или унести.

– Где Андрюшка? – требовательно спросил Дед. – Я же просил собратся всех родственников.

– Сейчас приедет, – успокоила я Деда, глянув на часы.

Минут через двадцать от дороги донёсся автомобильный гудок. Фрося, повинувшись моему взгляду, выскользнула из комнаты, чтобы открыть ворота.

Это, наверняка, брат с французской тёткой. Хлопнула дверца машины. Я выглянула в окно, но с моей позиции не было видно прибывших пассажиров. Ладно, подождём. Дольше ждали. Я отошла от окна и прислонилась спиной к буфету, чувствуя, как напряглось тело.

Сейчас они, должно быть, идут к дому. Вот голоса донеслись уже с крыльца. Андрюшка о чём-то спросил Фросю, и та ему ответила. Неужели мадам передумала, и брат приехал один? Вот он вошёл в комнату, задержавшись на пороге, и обменялся со мной взглядами. По его выражению лица мне стало ясно, что тётка прибыла.

– Привет, Дед! С юбилеем! У меня для тебя подарок. Ни за что не догадаешься, какой! – воскликнул Андрюшка и, посторонившись, пропустил вперёд невысокую стройную женщину – изящно одетую и тщательно причёсанную натуральную блондинку с голубыми глазами, еще очень красивую, несмотря на то, что свой тридцатипятилетний порог она явно перешагнула. – Узнаёшь, кого я тебе привёз?

Женщина сделала несколько несмелых шагов и остановилась.

– Здравствуй, папа, – тихо произнесла она.

Глава 6

Дед как-то странно дёрнулся, поднёс руку к воротнику, словно задыхаясь, потом лицо его побагровело, брови сдвинулись.

«Сейчас он её прогонит», – успела подумать я.

Но вдруг у Деда внутри словно что-то сломалось. Плечи его дёрнулись, и из горла вырвался звук, похожий на сдавленное рыдание. Он закрыл лицо руками, и сквозь пальцы мы все услышали хриплое: «Дочка».

– Папа, – странно произнеся это слово с ударением на конце, женщина бросилась на шею старику.

Они обнялись.

– Как ты стала похожа на свою мать! – тихо произнёс Дед не то с осуждением, не то удовлетворённо, прижав голову дочери с тщательно завитыми локонами к своей щеке.

Я удивилась: ведь в моей памяти Ба сохранилась как сморщенная старушка с седыми волосами, а глаза у нее хоть и были голубыми, но какого-то сильно полинялого цвета.

Уже громче, обращаясь ко всем присутствующим, Дед твёрдым голосом сказал:
– Знакомьтесь. Это моя дочь Маша.

Примирение после четвертьвековой разлуки. Не каждый день присутствуешь на подобном событии. Мы все неловко молчали, не зная, как себя вести в этой ситуации. Андрюшка взял инициативу в свои руки.

– Это Алька, то есть, Елена, моя сестра, – начал он с меня.

– Очень приятно познакомиться со своей племянницей. Вы с Андрюшей можете называть меня тётёй Машей, и давайте без церемоний: будем «на ты», можно? – спросила мадам, обнаружив еле уловимый иностранный акцент, и улыбка обнажила её красивые белые зубы – один к одному.

«Наверное, коронки, – мелькнула у меня мысль. – На хорошего дантиста денег тётке хватает. Да и выглядит она подозрительно молодо. По моим подсчётам ей сейчас не меньше сорока пяти, а ведь не скажешь. Небось, и на пластического хирурга она периодически тратится». Впрочем, вслух я, как можно более приветливо, произнесла:

– Разумеется, к чему церемонии, мы же близкие родственники, тётя Маша. Рада нашей встрече.

А братец продолжал:

– Это Карен, Алькин муж.

– Ну а для вас я, наверное, буду просто Мария, – представилась ему мадам.

– «Просто Мария»? Ну прямо бразильский сериал какой-то! – Андрюшка, не сдержавшись, громко заржал, помянув идущую уже второй год по телевизору мексиканскую «мыльную оперу». Пришлось исподтишка ущипнуть его, чтобы призвать к приличному поведению.

Муж засуетился, сунулся целовать руку мадам. Чёрт возьми, неужели решил блеснуть перед ней манерами? Я попыталась вспомнить, когда Карен в последний раз целовал руку мне, и, не вспомнив за последние несколько лет вообще ни единого подобного случая, почувствовала укол ревности: ведь когда-то муж не сводил с меня глаз и буквально на руках носил – куда все это делось? Я уж решила было, что он начинает утрачивать интерес к женщинам вообще, а не только ко мне. Но нет ведь! Вон как вскинулся при виде француженки!

– А это Лидочка, наш Айболит, – между тем представил Андрюшка медсестру.

– Лида работает сиделкой у Деда, – поспешила я объяснить, какое положение занимает эта девица в доме.

– Очень приятно. Мария, – не обделила даже Лидочку улыбкой французская тётя.

– Вообще-то, с сегодняшнего дня я больше не работаю у Фёдора Семёновича, – сладким голосом вдруг пропела медсестра.

Я удивлённо подняла брови и уже открыла рот, чтобы задать вопрос, что она тогда тут вообще делает, но меня опередил брат. Игриво шлёпнув сиделку пониже талии, он спросил:

– За что это тебя Дед уволил? Что-нибудь не то ему вколола, что ли? Или не туда?

Фривольный шлепок не укрылся от глаз всех присутствующих. Дед побагровел, мелко затряс головой и возмущённо произнёс:

– Прошу держать свои руки при себе и не распускать их. Лида больше не работает у меня потому, что мы с ней планируем вступить в законный брак.

Он по-хозяйски накрыл своей морщинистой ладонью руку медсестры, лежащую на спинке кресла, а та в ответ беззастенчиво поцеловала Деда в покрытую старческими пятнами щеку.

В столовой уже второй раз за последние четверть часа воцарилось недоумённое молчание. Сначала возвращение блудной дочери. Теперь вот такой мезальянс с разницей в возрасте в каких-то пятьдесят лет! Воистину, сегодня чересчур насыщенная программа развлечений!

Я с ненавистью уставилась на Лидочку. Та с вызовом обводила глазами всех присутствующих. Наконец, обретя дар речи, Андрюшка присвистнул и сказал:

– Ну, Дед, ты даёшь.

– Папа, – то ли укоризненно, то ли растерянно произнесла мадам.

Карен сначала снял очки, потом надел, потом опять снял и ожесточённо начал протирать их краем скатерти.

– Фёдор Семёнович, вы это сейчас серьёзно говорите? – пролепетал он.

Интересно, а муж-то что так разволновался?

Так и знала, что эта змея-сиделка преподнесёт сюрприз! Чужало моё сердце. Но, несмотря на бурю, бушующую у меня внутри, надо было «сохранять лицо». Игра не окончена. Мы ещё посмотрим, чем всё закончится. Взяв себя в руки, я расплылась в фальшивой улыбке и сказала:

– Неужели вы не видите, что это вовсе не шутка? Что ж, по такому поводу надо выпить, ведь так, Дед?

Не сводя умильного взгляда с румяного лица медсестры, старик кивнул:

– Это замечательная идея.

– Фёдор Семёнович, врач запретил вам алкоголь, – заволновалась новоиспечённая невеста.

– Ради такого дела не грех и тяпнуть, – поддержал, сразу оживившись, Андрюшка.

Уж этот ни за что не упустит возможность лишний раз «принять на грудь».

Еле уловимым движением головы я послала Фросю за аперитивом.

После нескольких вымученных тостов в какой-то гнетущей атмосфере гости разбрелись по своим комнатам.

Зайдя чуть позже в кухню, чтобы проверить, все ли готово для ужина, я застала Фросю за мытьем посуды. Из-за шума бегущей воды стоящая ко мне спиной домработница не слышала моих шагов и сейчас, не подозревая о моем присутствии, громко бормотала:

– Вот стерва бесстыжая! Это ж надо! А он-то хорош! Старый хрыч! Да чтоб ты сдох, окаянный! Чтобы ты сдох!

Она сердито громыхала посудой в мойке, плюхая ее с размаха на стол, а потом вдруг схватила край надетого на нее белого фартука и начала утирать им глаза.

Я почувствовала себя так, словно подсматриваю что-то очень интимное, и предпочла тихонько выйти.

Похоже, это Фрося про Деда. Вроде прислуга, а тоже приняла новость об этой дурацкой свадьбе близко к сердцу. А чего Дед от нас хотел? Чтобы мы все обрадовались такому союзу? Это же курам на смех: дряхлый маразматик и юная хищница! Не бывать этой свадьбе! Надо что-то срочно предпринять. Но что? Как образумить упрямого старика? Я искала выход и не находила его.

Когда все семейство собралось в столовой на ужин, я изо всех сил пыталась делать вид, будто все в порядке. Приклеив на лицо улыбку, я одаряла ею даже Лидочку – эту ходячую проблему я постараюсь решить позже, а пока не портить же Деду юбилей!

Все гости нарядились соответственно случаю: мы с Марией в вечерние платья, Лидочка так и осталась в том неприлично тесном наряде, в котором приехала, Карен надел темно–серый австрийский костюм в элегантную, чуть заметную полоску и шелковый галстук. Вот только Андрюшка, как всегда, приперся в джинсах – заставить его надеть что-то иное оказалась не в силах даже я.

Дед появился в своем форменном кителе с генеральскими погонами и целым иконостасом орденов и медалей на груди. Я про себя отметила, что он предпочел нацепить все эти награды вместо орденских планок. Сколько же они весят! Охота ему их было сегодня на себе таскать! Все же не День Победы.

А впрочем, пусть делает, что хочет: это его праздник. Видать, решил поразить свою юную невесту. И, похоже, ему это удалось: Лидочка периодически бросала восхищенные взгляды на все это бренчащее богатство, но меня не оставляло впечатление, что при этом она лишь мысленно подсчитывала, почём можно загнать эти награды на черном рынке.

Подарки решено было вручить уже сегодня. Лидочка не подарила ничего. Французская дочь преподнесла имениннику мягкий пушистый свитер. Дед повертел его в руках, приложил к своему высохшему тельцу, одобрительно крякнул: «Теплый!» и передал юной невесте. Та скроила кислую мину, красноречиво говорящую: «Можно было бы расщедриться и на что-нибудь подороже».

Карен от всех нас, хотя, разумеется, Андрюшка, не вложил ни копейки, поздравил тестя и вручил ему дорогие швейцарские часы с дарственной надписью. Дед в ответ расцеловал зятя в обе щеки и по-детски восхищённо стал вертеть в руках часы, рассматривая их и прикладывая к уху.

Лидочка, как куклу, взяла его за плечи, подвела к ближайшему креслу и усадила. Дед, кажется, даже не заметил, что над ним произвели эту операцию, по-прежнему восхищаясь часами.

«Господи, – глядя на него, вдруг подумала я, – а ведь он всё больше сползает в маразм. Как же вовремя он написал завещание в мою пользу, а то ведь мог оставить всё хотя бы этой приبلудной Лидочке! Что бы мы тогда делали?»

Словно подтверждая мои сомнения по поводу трезвости ума, Дед неожиданно встревожено заозирался, заёрзал в кресле и обеспокоено произнёс:

– Где мой шофёр? Я хочу, чтобы он тоже присутствовал здесь сегодня.

Мы с Кареном удивлённо переглянулись. Никогда раньше такого и вообразить было невозможно. Дед всегда сохранял большую дистанцию между собой и любым, кто стоял ниже него на социальной лестнице. К обслуге – шофёру и домработнице – обращался пренебрежительно, называл только по имени, без отчества, на ты. И уж тем более ему никогда раньше не пришлось бы в голову выкинуть такой номер. Впрочем, это его юбилей. Хочет, пусть хоть свинью к себе за стол сажает.

Я отправила Фросю в гараж за новичком-водителем. Что-то слишком много непредвиденных гостей собирается присутствовать. Не нарушит ли это мои планы касательно маленького семейного праздника?

Вернулась Фрося с шофером. Тот, войдя в комнату, обвел всех цепким взглядом и скромно сел на стул в углу рядом с домработницей, оставшейся стоять в ожидании приказаний.

Что ж, можно уже потихоньку перемещаться за стол. Я велела Фросе подавать закуски и обратилась к Деду:

– Ты у нас сегодня виновник торжества, поэтому твое место – во главе стола. А остальных рассаживай сам.

Я могла ожидать от старика чего угодно, но только не того, что по правую руку от него окажется медсестра Лидочка, а по левую – водитель Антон. Для меня это было явным доказательством того, что старик действительно тихо сбрендил и, кажется, скоро вообще перестанет узнавать своих. Стиснув зубы, я вышла из комнаты. Что ж, Дед сегодня не устаёт меня удивлять.

Но оказалось, что он готовил нам еще один сюрприз. Когда ужин был уже в самом разгаре, и мы тостовали уже не по одному кругу, Дед вдруг встал и произнес:

– Я тоже хочу сказать здравицу.

Все замолчали. У меня вдруг появилось нехорошее чувство, что добром вся моя затея с юбилеем не кончится.

И тут Дед вынул из-за пазухи пистолет.

Глава 7

Я сразу узнала дедово наградное оружие, которое он не раз показывал нам с Андрюшкой.

Что старик еще задумал?

Лидочка боязливо отодвинулась, сидящий рядом с Дедом Антон мгновенно как-то весь подобрался, не спуская глаз с вороненого дула, благо, оно было направлено в дальний угол комнаты, а не на кого-то из присутствующих. Фрося шумно ахнула, остальные замерли, боясь пошевелиться и, наверное, гадая, заряжен ли пистолет.

Дед усмехнулся и сказал, обводя взором гостей:

– Я прожил долгую жизнь. Всякое в ней бывало, – тут он посмотрел мне прямо в глаза, потом отвел взгляд и продолжил. – Но я всего себя положил служению родине. Я до сих пор помню свой первый бой. В самом начале войны. Я был тогда молодым, необстрелянным лейтенантом, только окончившим военное училище. Взвод, которым я командовал, участвовал в отражении контратаки немецких пехотных частей. Вокруг рвались снаряды. Гибли наши солдаты, едва успев подняться из окопа. Мне было страшно, но я шел вперед и вел своих людей за собой. Потом было еще много боев. Какие-то уже забылись, какие-то мне не забыть никогда. Я дошел до Праги, был тяжело ранен, и лишь тогда война для меня окончилась. Я до сих пор ношу в теле два осколка. Именно их я считаю своим главным доказательством воинской доблести, а не эти ордена и медали.

Он хлопнул себя по груди, и металлические кружочки зазвенели.

– Но я никогда не забываю, что родина высоко оценила мои заслуги. Я – Герой Советского Союза. Я генерал. Я всю жизнь отдал нашей армии, – продолжал Дед. – За службу своему народу и Советскому Союзу...

– Дед, да «сэсэсэра» больше нет, – встрял Андрюшка.

– Цыц, оболдуй! – рявкнул на него дед. – Не перебивай меня! Развалили Советский Союз! А что нынче вместо него? Тьфу! Раньше нашу силу уважали во всем мире. А теперь что с армией сделали? Все порастащили!..

Понимая, что Дед перешел к своей любимой теме и может еще долго разоряться о развале советской армии, я решила вмешаться:

– Ты же тост хотел сказать, – напомнила я, опасливо косясь на дуло «макарова», которым именинник начал в запале размахивать во все стороны.

Зыркнув на меня, Дед продолжил:

– За службу родине я был награжден именным оружием. Вот, – он направил ствол в воздух, демонстрируя всем собравшимся накладную пластину с гравировкой, – «От Президиума Верховного Совета СССР».

Дед сунул пистолет под нос Карену, сидящему между Лидочкой и мной. Тот побледнел.

– Не ссы, не заряжен, – грубо успокоил его генерал. – Так вот, к чему я всё это? Да чтоб вы знали: хоть я и уволился в запас, но еще полон сил. И если я что-то решил, будет по-моему. Если сказал: женюсь – значит женюсь, и нечего смотреть на меня, как на ненормального!

Дед с размаха хлопнул «макарова» на стол.

«Будь ты нормальный, ты бы не пистолетом доказывал нам свое право жениться в семьдесят пять лет», – подумала я, глядя на белую, как мел, Марию Данваль и понимая, что не ударить в грязь лицом перед Францией не получится: в своих расчетах я не учла Дедов характер.

Как бы наш престарелый жених не выкинул еще какой-нибудь фортель! В последнее время он, на мой взгляд, всё стремительнее соскальзывает в пропасть старческого маразма...

Как в воду глядела!

– И еще, – снова глянув прямо на меня, добавил старик, – Лидочка станет не только моей женой, но и единственной наследницей.

При этих словах Лидочка обвела нас всех торжествующим взглядом.

Никто из гостей, как мне показалось, и ухом не повел на такое заявление генерала, но для меня новость о том, что наследницей будет Лидочка, прозвучала словно гром среди ясного неба. Дождавшись окончания ужина, который затянулся до десяти вечера, и проследив за уборкой в столовой, я кинулась в спальню старика выяснять отношения – не буду же я делать это при гостях! Это наши с Дедом дела.

Когда я вошла в комнату, старик, уже переодетый в теплый халат, сидел в кресле, а его тощие ноги были по щиколотку погружены в тазик с водой. Лидочка тоже облачилась в халатик, причем не менее откровенный, чем платье, которые мы все сегодня созерцали. Она неспешно расчесывала перед трельяжем свои волосы плебейского, на мой взгляд, цвета «красное дерево», достойного лишь продавщицы деревенского сельмага.

Черепашьи веки Деда были блаженно полуприкрыты, но, едва я вошла, он зыркнул из-под них на меня на удивление острым взглядом, а потом вовсе закрыл глаза и капризно произнес:

– Че-то продуло меня, Елена. Ты в столовой завтра окна так не распахивай. Не хватало еще на свой юбилей в соплях как в шелках расхаживать.

Вот ведь паразит старый! Он тут мне еще зубы будет заговаривать пытаться!

Я повернулась к Лидочке и коротко приказала:
– Выйди.

Однако та высокомерно посмотрела на меня и процедила:

– Я вам не прислуга какая, чтобы меня отсылать. Я невеста Федора Семеновича. Теперь все, что касается его, касается и меня.

А Дед важно кивнул: да, мол, так и есть.

Я едва не обалдела от такой наглости. Ах, вон как! Придется напомнить, кто тут главный.

Разглядывая свои ногти, я скучающим тоном произнесла:

– Ну, Дед, раз ты хочешь, чтобы Лидочка была в курсе всех твоих дел, – слово «всех» я произнесла с многозначительным нажимом, – тогда, конечно, пусть она остается. Я как раз хотела поговорить о делах прошлых.

Слово «прошлых» я снова подчеркнула, и Дед, поняв намек и прошив меня злобным взглядом, недовольно рявкнул наглой молодухе:

– Пойди погуляй.

Лидочка оскорбленно фыркнула и вылетела из комнаты, хлопнув на прощание дверью.

Прежде чем начать разговор, я подошла к двери и резко распахнула ее. Так и есть! Не ожидавшая этого медсестра, пытающаяся нас подслушать, обалдело воззрилась на меня и отскочила назад.

– А ну брысь, – брезгливо бросила я.

Стоя в дверном проеме, я проводила нахалку глазами, пока не убедилась, что «невеста» с оскорбленным видом спускается на первый этаж. Опять, небось, на кухню направилась: Фрося жаловалась мне, что эта девица, не дожидаясь ужина, всю вторую половину дня так и крутилась возле холодильника и все таскала и таскала оттуда еду. В детстве, что ли, ее недокармлили? Или ей нужна двойная порция, чтобы поддерживать пышность в своих телесах? Да что с нее взять? Плебейка есть плебейка. Никакого воспитания. Одна борзота.

Покрепче прикрыв дверь, я повернулась к Деду:

– А теперь объясни, почему ты аннулировал свое завещание.

– Какое завещание? – поднял брови Дед.

– То, которым ты назначил меня своей наследницей.

– А я его никогда и не составлял, – хитро глянул на меня старик.

– Что-о-о? – вскинулась я. – Ты же сам мне говорил...

– Ну говорил, что собирался... А потом передумал. Могу я передумать? Зачем тебе мое добро? У тебя муж небедный. А у Лидочки никого нет. Случись что со мной, как она жить будет?

Я скрипнула зубами: нашел, о чем беспокоиться – да эта девица нигде не пропадет!

– Хочешь, я на тебя дачу перепишу? – предложил Дед.

Это переполнило чашу моего терпения, и я, забыв, как весь последний месяц изо всех сил старалась держать себя в руках, заорала:

– Дачу? К чему мне эта куча старых дров? Ты вообще соображаешь, что творишь? Хочешь, чтобы и квартира в центре Москвы, и наследство ушли на сторону?

В одно мгновение с Деда слинял простоватый вид, глаза его сверкнули сталью, и я невольно вспомнила, что разговариваю с армейским генералом.

– Тебе-то какая забота? – жестко произнес он. – Это все не ты зарабатывала, не тебе и решать, кому достанется. Забываешься, Елена!

Я наклонилась и схватила Деда за плечи, худоба которых ощущалась даже сквозь толстый халат:

– Нет, это ты забываешься. Может, мне напомнить кое-что тебе, а заодно и всем остальным? Дело хоть и прошлое, да только срок давности по нему не истёк!

Несколько мгновений наши взгляды вели молчаливую борьбу. Наконец, Дед отвел глаза и сказал:

– Ладно, вернусь в город – оформлю завещание.

– Ну уж нет! Вызывай нотариуса сюда. Чтобы завтра утром он был здесь, а завещание было готово еще до обеда! Ты понял?

Дед задумчиво пожевал губами, наклонил голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то, а потом ответил:

– Хорошо, Елена. Как скажешь.

Выйдя из Дедовой спальни, я сделала несколько шагов по коридору и прислонилась к стене. Меня терзало двойственное чувство: с одной стороны, я была рада, что поставила на место старого хрыча и особенно его юную акулу, а с другой стороны, меня мучило отвращение к самой себе: мне уже опротивело всего добиваться шантажом. Ну почему у нас в семье по-другому не получается!

И кому еще оставлять наследство? Не Андрюшке же! У него в руках деньги долго не задерживаются, а квартиру он пропьет в два счета. И не этой заморской дочери: обитает она в Париже, судя по ее виду, не бедствует, вот и пусть дальше там живет, а на мой каравай рот не разекает. Ну а бывшей сиделке дедово наследство достанется только через мой труп.

Я глубоко вздохнула и выпрямилась, оттолкнувшись от стены.

Дом затих: гости, наверное, разошлись по своим комнатам и уже легли спать. Мне тоже пора на боковую: завтра очень важный день.

Я решила сходить на первый этаж за ежедневником, который забыла в столовой, чтобы еще раз пробежать глазами список всех дел, которые наметила на утро.

Спускаясь по лестнице, я услышала какой-то шум, неожиданно раздавшийся со стороны кухни. Я помедлила, а потом все же решила проверить, кто там копошится так поздно.

Глава 8

Я уже шагнула с последней ступеньки в просторный холл-прихожую и собралась повернуть направо, чтобы, пройдя через огромную столовую, оказаться в кухне, как вдруг входная дверь, расположенная слева от лестницы, открылась. С улицы повеяло вечерней прохладой, и через весь холл по полу протянулась полоса света от фонаря на крыльце. В дом вошла Мария, а за ней, по-джентльменски придержав дверь, Карен. Оба, как я разглядела, улыбались чему-то, что, очевидно, только что обсуждали.

Карен щелкнул выключателем, и холл ярко осветила пара люстр. Увидев меня, он удивился:

– Лена? Ты что здесь бродишь в потемках?

– Я забыла свой ежедневник в столовой, а ты откуда?

– Я показывал нашей гостье окрестности. Мы ходили на речку.

Мадам Данваль кивнула:

– О да, Карен, спасибо вам за то, что побыли моим гидом. Сама я, скорее всего, заблудилась бы: я так давно здесь не была!

Она повернулась ко мне:

– Это такое странное чувство, когда, глядя вокруг, узнаешь и одновременно не узнаешь пейзаж. Как здесь все изменилось! А речка осталась прежней, только начала покрываться ряской. Вода в ней раньше была такой чистой, прозрачной...

Глаза у мадам Данваль сделались будто стеклянными. У меня возникло ощущение, что она смотрит сквозь меня. В этот момент я почему-то вспомнила, как эта речка чуть не забрала навсегда Андрюшку. А у этой дамы, интересно, какие воспоминания связаны с ней?

Я кашлянула, и Мария словно стряхнула с себя оцепенение:

– Вы простите, что я устроила такую позднюю прогулку. Совершенно не хочется спать – ведь между нашими странами разница во времени. Париж отстает от Москвы на несколько часов.

Она улыбнулась:

– Но обещаю, что сейчас же отправлюсь в свою комнату и честно попытаюсь заснуть.

– Я провожу нашу гостью, – вскинулся Карен.

– Ваша комната наверху, справа от лестницы, – напомнила я мадам Данваль.

– Спасибо, я не заблужусь, – снова сверкнула неестественно белыми зубами тетка.

И тут я осознала: ведь она знает этот дом не хуже меня, потому что много раз бывала здесь еще тогда, когда меня и на свете не было.

– Спокойной ночи, – кивнула нам с Кареном Мария и начала подниматься по лестнице удивительно легкой для своего возраста и одновременно прямо-таки царственной поступью.

Перехватив задумчивый взгляд мужа, направленный на колыхающиеся с каждым шагом то влево, то вправо стройные бедра мадам, я поняла, что все мужчины устроены одинаково: ни один из них не упустит возможности полюбоваться на такое представление.

Меня взяла злость.

– Не сломай глаза, – прошипела я мужу.

Он повернулся ко мне:

– Не говори чушь! Знаешь ведь: ты у меня одна.

Карен привлек меня к себе и чмокнул в макушку:

– Ладно, я пошел спать. Ты идешь?

– Ложись. Я сейчас.

Я вспомнила про странный шум на кухне и направилась в столовую, которая служила нам и гостиной. Свет включать я не стала, чтобы не разбудить брата, которого за неимением свободной спальни пришлось уложить прямо здесь, на застеленном диване.

Все-таки Андрюшка умудрился слегка перебрать алкоголя за ужином и теперь, распластавшись на животе, сладко сопел во сне, тихонько подхрапывая. Лицо его наполовину закрывали давно не стриженные патлы. Простыня, укрывавшая его, сползла до талии, обнажив юношески худощавую, но красивых линий спину. Хорош, зараза! Не зря девицы от него просто млеют. Голубоглазый блондин – весь в отца. Я оглянулась в поисках ежедневника, увидела его на столе и взяла в руки.

Затем я направилась на кухню, особо не приглушая свои шаги, так как знала, что пьяненького братца и пушкой не разбудишь. Войдя в кухню, я включила там свет. Честно говоря, я надеялась поймать Лидочку за очередным набегом на холодильник и отчитать ее, но в помещении никого не было.

А ведь я ясно слышала шум, и из кухни никто не выходил, пока мы беседовали с теткой – иначе этому человеку пришлось бы пройти мимо нас.

Но шум-то мне не послышался! Неужели крысы хозяйничают уже и в доме? Завтра обязательно надо их потравить.

Я кинула взгляд на полку возле раковины. Пузырька с красной надписью «Яд» там не было. С утра надо не забыть спросить у Фроси: наверное, это она его куда-нибудь переставила.

Я широко зевнула и выключила свет. Пройдя обратно через столовую, я уже начала подниматься по лестнице, как вдруг со стороны кухни опять донесся неясный шум.

«Проклятые крысы! – подумала я. – Наверняка хозяйничают в кладовке с продуктами. Завтра я им устрою!»

И вдруг снова открылась входная дверь. Бояться тут у нас некого – места тихие, поэтому я лишь устало подумала: «Ну а это кого еще черти до сих пор носят?»

В холл вошел водитель Деда и остановился, словно не зная, куда идти. Я наморщила лоб, вспоминая, как его зовут. Но так и не смогла припомнить. Ладно, как-нибудь обойдусь без имени.

– Не спится? – спросила я.

– Честно говоря, если бы нашел, где устроиться на ночлег, с удовольствием бы вздремнул, – ответил шофер, и в голосе его проскользнули насмешливые нотки.

И тут я поняла, что совсем забыла про него, когда обдумывала, где разместить на ночь каждого из гостей. Впрочем, немудрено: невелика птица. Но, с другой стороны, не спать же ему в холле на полу! Думаю, котельная ему подойдет. Она достаточно просторная, и там есть старый топчан.

Почувствовав легкие угрызения совести из-за своей забывчивости, я решила сама проводить шофера в котельную, которая располагалась на цокольном этаже, там же, где и комната для прислуги, которая всегда отводилась Фросе на время ее пребывания здесь, на даче.

– Идемте со мной, – устало сказала я и начала снова спускаться на первый этаж, так как в доме была лишь одна лестница на все три уровня, и чтобы попасть на цокольный этаж, надо было лишь дойти до самого ее конца.

– С вами – куда угодно, – дерзко отозвался водитель.

В этот момент я, уже миновав первый этаж, спускалась по последнему лестничному пролету. Услышав такие слова, я резко остановилась, развернулась на ступеньке на сто восемьдесят градусов и... неожиданно буквально столкнулась нос к носу с шедшим позади меня шофером. Точнее, мой нос чуть не уткнулся ему в грудь, так как он стоял на ступеньку выше меня, да и разница в росте у нас была не маленькая и не в мою пользу – в этом мужчине было никак не меньше метра девяносто.

– Вы всегда позволяете себе фамильярничать со своими работодателями? – попыталась я поставить его на место.

Но он, немного растягивая слова, каким-то лениво-кошачьим голосом произнес:

– Со своими работодателями я соблюдаю субординацию, но вы-то меня не нанимали, Елена Викторовна.

– Мне что, обязательно надо вам заплатить, чтобы вы проявляли ко мне уважение?

– А разве обычный комплимент в ваш адрес вы, красивая молодая женщина, расцениваете как неуважение? – парировал этот «как его там зовут».

– Держите, пожалуйста, свои комплименты при себе, – после таких слов желательно было высокомерно вскинуть голову, но я и так уже стояла, задрав подбородок, чтобы смотреть в лицо собеседнику, возвышающемуся надо мной, словно гора.

Решив, что много будет чести этому водиле продолжать с ним пикировку, я пренебрежительно фыркнула, развернулась на каблуках, чтобы продолжить спуск, и сделала шаг вперед. Но, так как при этом я по-прежнему продолжала смотреть в лицо нахалу, то, не рассчитав расстояние, поставила ногу на самый край ступени и потеряла равновесие.

Я наверняка скатилась бы по лестнице, если бы меня не ухватила за локоть сильная рука. Все произошло так быстро, что я даже не успела взвизгнуть – просто как-то сразу оказалась чуть ли не в объятиях этого мужлана.

Лишь убедившись, что я снова твердо стою на ногах, шофер отпустил мою руку: его стальные пальцы медленно, словно нехотя, разжались. А я торопливо отпустила рукав его рубашки, в который несколько секунд назад судорожно вцепилась, пытаясь не упасть.

Я почувствовала, что покраснела до самых ушей от негодования: надо же было выставить себя такой неловкой идиоткой именно в тот момент, когда корчила из себя важную даму!

Вскинув взгляд на своего визави, я не увидела злорадства в его глазах. В них плескалось лишь какое-то загадочное выражение.

Не найдя слов для сложившейся ситуации, я молча повернулась и уже без приключений спустилась на цокольный этаж.

По сути, это был просто огромный подвал, в котором располагались подсобные помещения: котельная, прачечная, комната для различного инвентаря и инструментов, комната для прислуги и гараж, куда ставил свою машину Карен.

Дойдя до котельной, я открыла дверь, включила в пятнадцатиметровом помещении свет и указала на топчан:

– Располагайтесь пока здесь. Завтра, может, придумаем для вас что-то другое. Я сейчас скажу Фросе, чтобы она принесла постель, чистые полотенца. Можете пользоваться ванной и туалетом на первом этаже. Если что-то еще будет нужно, обращайтесь к Фросе.

Не дожидаясь ответа, я повернулась и пошла к двери. Я уже переступила через порог, когда меня догнал тихий оклик:

– Елена Викторовна!

Я обернулась.

Он улыбнулся:

– Антон... Меня зовут Антон Городецкий. Надеюсь, в следующий раз вы вспомните, как меня зовут.

Минут через двадцать, поднимаясь в свою комнату, я невольно обратилась мыслями к недавнему случаю на лестнице, прокручивая в голове момент, когда из-за своей неловкости оказалась так близко к этому мужчине.

Если раньше я особо не обращала внимания на его внешность, то теперь как следует его рассмотрела: и темные волосы, чуть выющиеся на висках и возле лба, и каре-зеленые глаза, и четко очерченные губы, и мужественный подбородок, и даже небольшой старый косой шрам над левым глазом, слегка изгибающий и прореживающий густую, красивой формы бровь. Я вспомнила сильную хватку, широкие плечи, высокий рост.

Да он очень даже неплох!

Кроме того, меня удивило, что от него исходил легкий запах хорошего мужского парфюма – кажется, одеколона «Консул». От других шоферов Деда так не пахло: от них несло бензином, моторным маслом и черт его знает, чем еще.

А еще этот Антон озадачил меня тем, что в его голосе совсем не было легкой угодливости, присущей людям его положения. К Деду он обращался словно на равных: уважительно, но не лебезил и не самоуничижался. И где только Дед откопал себе такого шофера? И как его терпит?

Когда я вошла в спальню, Карен уже спал. На полу рядом с кроватью я увидела россыпь бумаг: снова работал. Да что же там у него такое срочное? Даже в праздники не дает себе отдыха.

Я разделась, скользнула под одеяло и устало закрыла глаза.

Когда я уже сползала в сон, в моей голове пронеслись слова Антона: «...вы, красивая молодая женщина...». Я улыбнулась и заснула.

Глава 9

Проснулась я без всякого будильника в семь часов. Впереди чистым листом лежал очень важный день. Надо было начинать действовать.

Я растолкала спящего Карена:

– Вставай!

Он недовольно застонал, не открывая глаз:

– Ленка, дай поспать!

– Только не сегодня. Надо срочно сгонять в город.

– Который час?

– Семь.

– Ты с ума сошла? Зачем?

– За нотариусом.

Карен открыл один глаз:

– Точно рехнулась. Для чего тебе нотариус?

– Дед согласился подписать завещание в мою пользу.

Тут Карен открыл и второй глаз и сел в постели, приглаживая взъерошенные после сна волосы:

– Ты серьезно?

– Серьезней некуда. В таких случаях, сам понимаешь, надо ковать, пока горячо. До города пилить часа два. Пока туда, пока обратно сгоняешь – как раз успеем до обеда это дело про-вернуть.

Карен оживился, соскочил с кровати и начал натягивать брюки, прыгая на одной ноге:

– Как тебе это удалось? Он же только вчера при всех заявил, что все оставляет этой своей сиделке!

Я засмеялась:

– А я слово волшебное знаю.

Муж замер и удивленно посмотрел на меня, очевидно, спросонья туго соображая:

– Какое слово?

– «Пожалуйста», – я снова рассмеялась.

– Да ну тебя, – махнул рукой Карен и снова лихорадочно продолжил одеваться. – Все у тебя хиханьки да хаханьки, Ленка. А дело нешуточное.

– Вези своего нотариуса, надежного человечка, чтобы Дед какую подлянку не выкинул. Есть у тебя такой?

– Обижаешь! – поджал губы муж и скрылся в ванной.

Ну да. Вот сейчас я глупый вопрос задала. Иметь бизнес по недвижимости и не прикормить несколько нотариусов? Сейчас любой из них как миленький примчится сюда по просьбе Карена.

Через полчаса муж спустился в гараж и вывел во двор свою новенькую красную «Ауди» А4, которой очень гордился.

Я уже ждала его на улице, чтобы открыть ворота. Неожиданно из дверей дома появилась Мария. Несмотря на то, что было еще раннее утро, она выглядела так, словно пару часов просидела перед зеркалом: аккуратно уложенные волосы, искусно наложенный дневной макияж, стильный брючный ансамбль.

Тетка мило улыбнулась, пожелала доброго утра, а потом обратилась к моему мужу:

– Карен, вы в город?

– Да.

– Вы не могли бы взять меня с собой? Я вчера так мало увидела из окна такси. Мне бы хотелось посмотреть, какой стала Москва.

Во мне забурило возмущение: еще не хватало катать на экскурсии эту полуиностранку! Сейчас явно не до нее!

Карен, словно почувствовав мое недовольство, замялся:

– Видите ли, Мария, я в город по срочному делу...

Тетку это ни капли не смутило:

– Я не отниму у вас ни минуты времени. Просто посижу рядом и покручу головой по сторонам, пока мы будем ехать туда и обратно, хорошо?

Интересно, ей хоть один мужчина в силах отказать, когда она вот так умоляюще смотрит своими красивыми глазами?

Вот и мой тоже «поплыл». Виновато глянув на меня, Карен подошел к автомобилю с правой стороны и открыл переднюю дверь, приглашая Марию жестом сесть на пассажирское сиденье:

– Прошу вас.

Она изящно скользнула внутрь, устроив на коленях сумочку от «Диора», и глянула в зеркало заднего вида, очевидно, проверяя, все ли в порядке с макияжем.

Карен обошел машину и уже собрался сесть за руль, как вдруг с террасы, тянущейся вдоль всего второго этажа, раздался крик:

– Э-эй! Подождите меня!

Я оглянулась и увидела дедову «невесту», изо всех сил машущую руками, словно ветряная мельница. А этой-то что понадобилось?

– Пойдите! Возьмите меня с собой! Мне нужно в аптеку – купить лекарство для Федера Семеновича.

Ну как ей откажешь в такой просьбе? Получив согласие, Лидочка мухой выскочила из дома и плюхнулась на заднее сиденье.

Ближе к полудню возвратившаяся «Ауди» Карена просигналила у ворот. Прибыл не только муж и его спутницы, но и на черной дорогой машине приехал нотариус. Точнее, приехала. Это была пухлая тетка лет сорока с целой кучей безвкусных перстней на пальцах и большой толстой книгой под мышкой. Угодливо суется, она поздоровалась со мной, и мы вместе направились в Дедову спальню.

Дед, уже предупрежденный мной о том, что от данного вчера обещания отвертеться не получится, сидел в кресле мрачнее тучи. С ужасом я подумала, что вот сейчас он достанет свой наградной «макаров», начнет им тыкать тетке– нотариусу в заплывшее жиром лицо и угрожать пристрелить ее на месте. Но Дед всю процедуру высидел хоть и с угрюмым видом, но смирно. Лишь когда ставил свою подпись под документом, прошел меня таким злобным взглядом, что у меня мурашки по спине пробежали.

Едва просохли чернила на печатях и подписях, нотариус забрала один из составленных экземпляров завещания, а я цапнула второй:

– Пусть полежит у меня. Целее будет.

Нотариус, подобострастно попрощавшись, забрала свою толстенную книгу– реестр и, словно океанский корабль, выплыла за дверь.

– Ты не забыл про свой юбилей? – бодро произнесла я, тоже направляясь к выходу. – Сегодня торжественный обед в два часа. Не забудь.

Дед снова взглядом пожелал мне провалиться сквозь землю.

Стоило мне покинуть Дедову спальню, как туда сразу скользнула ужом Лидочка. Очевидно, будет сейчас пытаться Деда, зачем приходил нотариус. Интересно, старик расскажет ей, что она больше не наследница?

На торжественный обед назло мне Дед заявился в халате, накинутом поверх пижамы, и домашних тапках. Я решила из принципа сделать вид, что так и надо. Черт с ним, с этим упрямым старикашкой. Вчера он вышел к столу при полном параде, словно на прием в Кремле, а сегодня – в дезабилье. Хочет чудить – пусть чудит. Тем более он снова посадил по бокам от себя эту парочку: Лиду и Антона.

Вел себя Дед за столом отвратительно, как никогда: громко сморкался и рыгал, вытирал рот рукавом, несколько раз отлучался в туалет в сопровождении Лидочки прямо во время тостов за его здоровье. Я молча терпела бунт на корабле, понимая, что весь этот спектакль одного актера поставлен для одного зрителя – меня. Но не на ту напал – я изо всех сил изображала заботу о юбиляре и радость от происходящего.

Обед уже приближался к концу, подали сладкое. Дед, в очередной раз сбегав «до ветру», плюхнулся на стул.

– Вот, Дед, твои любимые трубочки с кремом, – протянула я ему блюдо с пирожными, стоящее передо мной.

Дед сгреб пару себе на тарелку. Съел одно, нарочито шумно прихлебывая чай. Надкусил второе. И вдруг схватился за горло, пошатнулся на стуле, и его вырвало прямо ему на грудь.

Все на мгновение оцепенели от неожиданности. Лидочка опомнилась первая. Она вскочила, подхватила старика за плечи и наклонилась к его лицу, не обращая внимания на пачкающие ее платье рвотные массы:

– Федор Семенович, что с вами?

Деда еще раз вывернуло наизнанку, а потом он слабым голосом произнес так, словно у него во рту была горячая каша:

– Гоова боит... Во ту гойко... и аемео сё...

Лидочка ахнула и закричала, повернувшись ко мне:

– Глюкоза в аптечке есть?

– К-к-кажется, н-н-нет, – замотала я головой.

Дедова «невеста» прямо пальцами залезла в сахарницу и выудила оттуда два куса рафинада. Переждав очередной приступ рвоты и одобрительно сказав: «Это хорошо. Пусть желудок очищается», – Лида запихнула Деду под язык сахар.

– Что вы делаете? – попыталась вмешаться Мария. – Может, «скорую» вызвать?

Лида, не поворачиваясь к мадам Данваль, процедила:

– Я его спасаю. А «скорая» в вашу глушь будет целый час ехать.

– Что с ним? – вмешался Карен.

– Отравление, – бросила сиделка.

Фрося испуганно запричитала:

– Батюшки-светы! Да как же так! Все продукты наисвежайшие закупили! С чего бы ему отравиться-то?

Лидочка повернулась и обвела взглядом всех сидящих за столом:

– Это не кишечная палочка какая-нибудь. Судя по симптомам, это цианид.

Глава 10

– Помогите перенести Федора Семеновича в его комнату, – приказала Лидочка.

Никто не посмел ей перечить – из всех присутствующих только у нее имелось хоть какое-то медицинское образование, пусть и среднее.

Антон легко, словно пушинку, подхватил на руки старика, которого еще сотрясали позывы к рвоте, но желудок уже извергал только какую-то водицу. Шофер направился к лестнице на второй этаж, а мы все потянулись за ним, словно своим присутствием могли чем-то помочь.

Войдя в Дедову спальню, Антон осторожно уложил старика на кровать. Лидочка склонилась над генералом, рассматривая его, ощупывая, считая ему пульс и меряя давление.

Дед лежал с закрытыми глазами, вытянув руки вдоль тела, но дыхание его, вроде, было ровным, рвотные позывы прекратились.

Мы тоже набились в комнату и теперь следили за манипуляциями Лидочки, вытягивая шеи. Наконец она не выдержала и шикнула на нас:

– Ну что вы все тут столпились? Освободите помещение.

Мы вышли в коридор, но расходиться не спешили. Всех волновало, чем закончится борьба Деда за жизнь. И еще нас удивило, что шофер так и остался в комнате и не был выдворен медсестрой.

Наконец дверь спальни открылась, и Лидочка с Антоном вышли к нам.

– Он выживет? – задал Карен вопрос, волновавший всех.

Сиделка обернулась, смерила его подозрительным взглядом и ответила:

– Теперь можно сказать, что да... От большой дозы цианистого калия человек теряет сознание почти мгновенно, а потом наступает паралич дыхания. Если бы полученная доза яда была летальной, Федор Семенович уже был бы мертв. Но сейчас он вне опасности. Отдыхает.

Она обвела всех нас глазами:

– За что вы его? Неужели из-за меня? Отравить старика! Да как вы только могли? Что же вы за люди такие?

– Но с чего вы взяли, что это именно цианистый калий? – раздраженно спросила Мария, прерывая начинающуюся, похоже, истерику «невесты».

– Да с того, – выкрикнула медсестра, – что налицо вся симптоматика: тошнота, рвота, головная боль, пошатывание, горький вкус и онемение во рту, покраснение глаз, учащенное сердцебиение. У Федора Семеновича полный набор.

– А зачем сахар было в рот Деду совать? – встрял с вопросом Андрюшка.

Лида даже не повернула в его сторону голову, но все же ответила:

– Нас учили, что при отравлении цианидом калия в качестве антидота используют пятипроцентный или сорокапроцентный растворы глюкозы внутривенно. Глюкозы у вас в доме не нашлось. Надо было срочно повысить содержание сахара в крови, хоть немного.

Я хлопнула себя по лбу:

– Точно! Как я сразу не сообразила? Цианистый калий – это калиевая соль синильной кислоты. Она подвержена гидролизу. При этом выделяется циановодород, который может присоединяться к молекуле глюкозы.

Андрюшка поморщился:

– Алька, ты че по-китайски заговорила? Думаешь, тебя, химика доморощенного, тут хоть кто-то сейчас понял?

– Ну, в общем, если популярно, глюкоза связывает цианиды. Деду стало плохо, когда он ел сладкие пирожные. Думаю, то, что яд оказался в пирожных, его и спасло. Отравлены эти трубочки с кремом были заранее – не на столе же в них яд подсыпали! – а тем временем цианид калия выделил синильную кислоту, и она присоединилась к глюкозе. Часть яда успела обезвредиться. К тому же яд поступил в наполненный после сытного обеда желудок, и это тоже замедлило его всасывание...

Тут я осеклась, заметив, что все уставились на меня с каким-то осторожным сомнением. Неужели они готовы обвинить в отравлении меня?

– Для домохозяйки вы слишком многое знаете о цианидах, – выговорил Антон, растягивая слова и глядя на меня в упор.

– А вы слишком разговорчивы для водителя, – перешла я в наступление, вспомнив, что лучший способ защиты – это нападение. – Идите, копайтесь в своих карбюраторах или что у вас там под капотом.

– А я, между прочим, не водитель, – жестко произнес Городецкий.

– Да ладно! И кто же вы? – хмыкнула я. – Наполеон Бонапарт?

– Частный детектив.

В коридоре на мгновение воцарилась полная тишина.

– Кто-о-о? – выдохнул Андрюшка.

– Представитель детективного агентства. Вопросы безопасности и защиты личности. Все подробности сообщать не имею права. А неразглашение моего рода занятий было оговорено с клиентом, то есть Федером Семеновичем, лишь до момента покушения на его жизнь. Далее я могу, если пожелаю, работать в открытую, либо продолжать маскировку.

– Стоп. А вот с этого места поподробнее, пожалуйста, – наконец обрела я дар речи. – Вы хотите сказать, что Дед знал, что его кто-то попытается убить, и нанял вас для защиты?

– Именно так. Но, как я понимаю, отравления он не ожидал. Вообще, надо сказать, это моя вина, что я не смог предотвратить попытку убийства, и оправдаться я смогу, только определив, кто виновен в покушении. Каюсь, сперва я вообще не поверил в то, что готовится такое серьезное преступление. Решил, что старик просто с чужинкой. Мне и в голову не могло прийти, что тут у вас средневековые какое-то: травите друг друга, как семейство Борджиа. Да еще таким ядом! Где только его можно было раздобыть?

Мы с Фросей переглянулись. Я поняла, что если не скажу я, то скажет она, поэтому пояснила:

– Этот яд изготовила я.

И снова настала мертвая тишина, и у всех, кроме меня и Фроси, вытянулись лица.

Антон взял меня под локоть и сказал:

– Елена Викторовна, давайте-ка отойдем в сторонку и побеседуем. Вы не против?

Как будто бы я могла отказаться, чем окончательно бы замкнула на себе все подозрения!

Отведя меня к окну, которым заканчивался коридор, Городецкий негромким голосом начал допрос с того, что мрачно съязвил:

– Что значит «изготовила яд»? Что, нашли рецепт в поваренной книге?

– Мы с моими однокурсниками из любопытства синтезировали несколько граммов цианистого калия, когда я училась в «Менделеевке».

– Простите, где?

– В химико-технологическом университете имени Менделеева.

– Так вы дипломированный химик? – с не сулящим мне ничего хорошего профессиональным интересом взглянул на меня частный сыщик.

– Нет, не дипломированный. Я химик-недоучка. Бросила учебу на третьем курсе.

– Так вот откуда такие познания в цианидах!

– Я бы не назвала их глубокими – студенткой я была нерадивой. Но в химии я немного разбираюсь.

– И для чего вы изготовили этот яд?

– Да просто из любопытства. Его не так уж сложно синтезировать. У меня на чердаке полно продуктов моих старых химических опытов.

– И много среди них ядов?

– Смотря что вы называете ядом. Например, если выпить уксусной кислоты, можно загнуться, а ведь этот «яд» есть на любой кухне, – не удержавшись, съехидничала я. – Да я не

рекомендую вам пробовать практически любой из химреактивов, хранящихся в моих ящиках! Но ведь это просто куча старого хлама, о котором уже даже я не вспоминаю!

– Хорошо, задам вопрос по-другому. Как цианид из ящиков на чердаке мог попасть в руки отравителя?

– Никак. Чердак у нас запирается, а ключи только у меня.

– Вот как, – буравя меня глазами, произнес Антон, и я поняла, что теперь он окончательно решит, что я и есть преступница.

– Да погодите делать выводы! – раздраженно выпалила я. – Просто накануне, два дня назад, я увидела в нашем сарае крысу. Я решила потравить этих тварей и вспомнила о цианиде. Я принесла его с чердака, показала Фросе, предупредила, что это яд и даже написала «Яд» на этикетке. Я оставила пузырек на кухне, на полке, собираясь сегодня устроить крысам бой...

И тут я вспомнила...

– Постойте! – заорала я шепотом. – А ведь вчера поздно вечером я заходила на кухню, и пузырька на месте уже не было. Я еще решила, что его взяла Фрося, собралась спросить у нее утром, но потом замоталась и забыла. И еще: на кухню я пошла именно потому, что мне послышался оттуда шум.

– Вы кого-то там застали?

– Нет. Но мне показалось, что шум доносился из кладовки для продуктов, примыкающей к кухне.

– Там может спрятаться человек?

– Да, там для этого достаточно места.

– Вы заходили на кухню до того, как отвели меня в котельную, или после?

– Прямо перед нашей встречей в холле.

Антон сделал какие-то заметки в небольшой записной книжке, а потом, пригласив меня следовать за собой, снова подошел к ожидавшим домочадцам и, обращаясь ко всем, сказал голосом, в котором звенел металл:

– Сейчас я попрошу вас разойтись по своим комнатам и оставаться в них. Я побеседую с каждым из вас отдельно. И еще. У меня прямые указания от Федора Семеновича: милицию в это дело не вмешивать, чтобы не выносить сор из избы, но никому не разрешать уезжать отсюда, пока я не проведу расследование. Надеюсь, оно не затянется.

– А что, разве вы не будете делать обыск? – поинтересовалась Лидочка.

– И что я, по-вашему, должен искать? – прищурившись, повернулся к ней детектив.

– Разумеется, яд!

– Я категорически против обыска! – воскликнула Мария. – Это мерзко: рыться в чужих вещах!

– Я не буду настаивать на обыске, – задумчиво произнес Городецкий. – Я прекрасно понимаю, что спрятать маленький пузырек с отравой в огромном двухэтажном доме с подвалом можно где угодно. И я вряд ли смогу отыскать эту улику. Поэтому приму другие меры. Прошу вас пройти в свои спальни.

– А я ночевал в гостиной, – ляпнул Андрюшка. – Мне спальни не хватило.

– Вот там меня и дожидайтесь, Андрей Викторович. А вас, Ефросинья Матвеевна, – обратился сыщик к Фросе, – я допрошу на кухне.

Недовольно ворча, все стали расходиться.

В доме повисла гнетущая тишина.

Глава 11

Карен сперва направился вместе со мной в нашу спальню. Но, подождав там минут десять, он не выдержал:

– Я не могу вот так сидеть и ждать, пока этот шерлок холмс соизволит со мной побеседовать! У меня куча работы. Если ему так надо со мной поговорить, он найдет меня в кабинете. Так ему и передай.

Подхватив портфель с бумагами, Карен исчез.

Я просидела в своей комнате на кровати, размышляя, не меньше часа, когда ко мне заглянул Андрюшка. Сунув голову в приоткрытую дверь, он спросил:

– К тебе можно?

– Заходи, конечно, – я подвинулась, освобождая для брата место рядом с собой.

Он плюхнулся с размаху и первым делом полез в нагрудный карман за пачкой сигарет. Я цыкнула на него:

– Даже не думай! Еще не хватало дымить мне тут! Потом покуришь.

Брат покорно вздохнул и спрятал сигареты.

– Ты почему не в гостиной? – спросила я. – Тебе же Городецкий велел там его дожидаться.

– Он меня уже допросил.

– И что ты ему рассказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.